

U 356
20
4939

691

Иванъ Бунинъ

Помъ четвертый

Стихотворенія 1907 г.
Годива. Поэма Теннисона.
Изъ „Золотой Легенды“. Лонгфелло.
Каинъ. Мистерія Байрона.

Цѣна 1 рубль

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
1-го кв. П. С. Тельманова

НИКОЛАЕВСКАГО
ЖЕНСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО
УЧИЛИЩА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

ИВАНЪ БУНИНЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

19247-46

I

БИБЛИОТЕКА
НИКОЛАЕВСКАГО
ЖЕНСКАГО И МЕРЧЕСНАГО
УЧИЛИЩА.

№ _____

ЗА ГРОБОМЪ.

Я не тушилъ священнаго огня.
Книга Мертвыхъ.

Въ подземный мѣръ введетъ на судъ Отца
Сынъ, Ястребъ-Горь. Шакаль-Анубисъ будетъ
Класть на вѣсы и взвѣшивать сердца:
Богъ Озирисъ, богъ мертвыхъ, строго судить.

Я погребенъ, какъ рабъ, въ пескѣ пустынь.
Пройдутъ вѣка—и Сиріусъ, надъ Ниломъ
Теперь огнемъ горящій, станетъ синь,
Да свѣтитъ онъ спокойнѣе могиламъ.

И мѣръ забудетъ, темнаго, меня.
И на вѣсахъ потянетъ сердце мало.
Но я страдалъ. Я не тушилъ огня.
И я взгляну безъ страха въ ликъ Шакала.

ПАНИХИДА.

Ограда, крестъ, зеленая могила,
Роса, просторъ и тишина полей.
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханіемъ рубиновыхъ углей!

Сегодня годъ. Послѣдніе напѣвы,
Послѣдній вздохъ, послѣдній ѳиміамъ...
— Цвѣтите, зрѣйте. новые посѣвы,
Для новыхъ жатвъ! Придетъ чередъ и вамъ.

ЗАБВЕНІЕ.

Растетъ, растетъ могильная трава,
Зеленая, веселая, живая.
Омыла плиты влага дождевая
И мохъ покрылъ ненужныя слова.

По вечерамъ заплакала сова,
Къ моей душѣ забывчивой взывая,
И старый склепъ, руина гробовая,
Таитъ укорь... Но ты, земля, права!

Какъ нѣжны на албюшемъ закатѣ
Кремля далекихъ синихъ облаковъ!
Какъ вырѣзаны крылья вѣтряковъ
За темною долиною на скатѣ!

Земля, земля! Весенній сладкій зовъ!
Ужель есть счастье даже и въ утратѣ?

ТЕЗЕЙ.

Тезей уснулъ въ вѣнкѣ изъ миртъ и лавра.
Зыбь клонить мачту въ черныхъ парусахъ.
Зеленымъ золотомъ горить звѣзда Кентавра
На южныхъ небесахъ.

Забывъ о ней, гребцы склоняютъ вѣжды,
Поютъ въ дремотѣ сладкой... О, Тезей!
Вновь пропиталь Кентавръ ткань праздничной одежды
Настоемъ травъ и ядомъ змѣй.

Мы въ радости доверчивы, какъ дѣти.
Насъ тѣшить миртъ, пьянитъ побѣдный лавръ...
Одинъ Эгей не спалъ надъ моремъ въ звѣздномъ свѣтѣ,
Когда всходилъ Кентавръ.

ХРИСТОСЪ.

По алтарямъ пустымъ и бѣлымъ
Весенній вѣтеръ дулъ на насъ,
И кто то сверху капаль мѣломъ
На золотой иконостасъ.

И звучный гулъ бродилъ въ колоннахъ,
Среди лѣсовъ. И по лѣсамъ
Мы шли въ широкихъ балахонахъ,
Съ кистями, въ куполь, къ небесамъ.

И часто, вмѣстѣ съ малярами,
Тамъ пѣли пѣсни. И Христа,
Что слушалъ насъ въ веселомъ храмѣ,
Мы написали не просто.

Намъ все казалось, что подъ эти
Простыя пѣсни вспомнить Онъ
Порогъ на солнцѣ въ Назаретѣ,
Верстакъ и кубовый хитонъ.

ГЕРМОНЪ.

Великій Шейхъ, съдой могучій другъ!
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Генисареть, долины Иордана
И Божій домъ, ветхозавѣтный Лузь.

Какъ бѣлый шелкъ сіяетъ твой бурнусъ
Надъ синевой далекаго Ливана,
И самъ Христось, смиренный Исусъ,
Дышалъ тобою, радость каравана.

Въ скалистыхъ нѣдрахъ спитъ Генисареть
Подъ сѣрою стѣной Тиверіады.
Повсюду жаръ, палящій блескъ и свѣтъ
И допотопныхъ кактусовъ ограды:

На пыльную дорогу въ Назареть
Ты вѣчно вѣдешь сладостью прохлады.

Сирія. Весна.

ИЕРУСАЛИМЪ.

1.

Это было весной. За восточной стѣной
Былъ горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропилъ огоньками траву.

И сказала проводникъ: „Господинъ! Я—еврей
И, быть можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталось намъ“.

Я спросилъ: „На цвѣты?“ И услышалъ въ отвѣтъ:
„Господинъ! Это—праотцевъ слѣдъ.
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ, какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она“.

2.

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ подо мной
Тоже кровлей—единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ,—возлежалъ
Древній городъ—и зноемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмѣ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу—
Ленту Мертвой Воды—бирюзу.

3.

„Отъ Галгала до Газы, сказалъ проводникъ,
Край отцовъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сионъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ—
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ—прахъ золы—въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
Да исчхнетъ въ немъ всяческій злакъ!
Да пребудетъ онъ голъ, изсушенъ, нелюдимъ—
До прихода Рѣченнаго Имъ!“

ПРОВОДЫ.

Забилъ буграми жемчугъ, заclubился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветъ. Отходить, отдѣлился
Высокій бортъ. И мы назадъ плывемъ.

Моль опустѣлъ. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожить корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходить и чертить по небесамъ.

Вотъ онъ закрылся мачтами, трубою,
Вотъ показался слѣва. Вдалекѣ
Онъ ужъ завидѣлъ море. Надъ водою
Уносить якорь въ глиня и песокъ.

Прощай, прощай! Знакомые, чужіе—
Всѣ на кормѣ, и всѣхъ, какъ близкихъ, жаль...
И день, и ночь—безбрежная стихія,
И день, и ночь—за синей далью даль.

А мнѣ куда?—Мартъ, сумерки... Къ вечернѣ
Звонятъ въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вонъ огонекъ въ тавернѣ...
Но нѣтъ, домой! Я пьянъ и безъ вина.

ХРАМЪ СОЛНЦА.

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу— и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Ниль и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытыя могилы въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь—храмы первыхъ дней.

Патріархально-царственныя ткани—
Снѣговъ и скалъ продольные ряды
Лежать, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ оазисъ древняго Номада—
И древнія священныя мѣста
Вѣнчаютъ золотая колоннада.

Руина Храма Солнца, ты пуста!
Но ты—истокъ познаній человѣка,
Порогъ его исканія, врата.

Ты—колыбель младенческаго вѣка,
Нашъ первый слѣдъ и первый іероглифъ—
И въ бездну я взглянулъ изъ Баальбека:

Тамъ—даль и мгла. Туманно-синій Миѣъ.

Сирія. Весна.

ТРОНЪ СОЛОМОНА.

На письмана исчезнувшихъ народовъ
Похожи руны Времени—значки
Вдоль старыхъ стѣнъ и полутемныхъ сводовъ,
Гдѣ завелись точильщики-жучки.

Царь Соломонъ повелѣвалъ вѣтрами,
Былъ магъ, мудрецъ. „Не даромъ сѣялъ Я,
Сказалъ Господь.—Какими же дарами
Вѣнчать тебя, царь, магъ и судія?“

„Сѣвъ славныхъ дѣлъ вѣнчаетъ солнце славы,
Отвѣтилъ царь.—Вотъ геніи пустынь
Покорны мнѣ. Но геніи лукавы,
Они не чтутъ ни долга, ни святынь.

„Тронъ Мудрости я имъ велѣлъ построить,
Но я умру—и, бросивъ трудъ, въ Геджасъ
Уйдутъ они. Ты могъ мнѣ жизнь утроить:
Сокрой отъ нихъ моей кончины часъ“.

„Да будетъ такъ“, сказалъ Господь. И годы
Текли въ трудъ. И былъ оконченъ тронъ:
Изъ яшмы древней царственной породы,
Изъ бѣлой яшмы былъ изваянъ онъ.

Подъ трономъ лвы, надъ трономъ кондоръ горный,
На тронѣ—царь. И ты сокрылъ, Творецъ,
Что на копье склоняется въ упорной
Глубокой думѣ—высохшій мертвецъ.

Но рухнетъ онъ! Древо копья изъ кедра,
Оно—какъ сталь. Но ужъ стучать жучки!
Стучать, стучать—и разсыпаютъ щедро
Зловѣщіе могильные значки.

ПОДЪ ХЕВРОНОМЪ.

На пути подъ Хеврономъ,
Въ каменистой широкой долинѣ,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинѣ,
Поздней ночью я слышалъ
Плачь ребенка—шакала...
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ,
И душа моя долго искала
Хоть единой мнѣ близкой души въ полумракѣ...
Но уснули верблюды, собаки,
И арабы въ палаткѣ... Свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой
Позабитой землею... Въ могилѣ
Почиваль Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой...
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

КАИНЪ.

Баальбекъ воздвигъ въ
безуміи Каинъ.
Сирійск. преданія.

Родъ приходитъ, уходитъ,
А земля пребываетъ во вѣкъ...
Нѣтъ, онъ строить, возводитъ
Храмъ безсмертныхъ племенъ—Баальбекъ.

Онъ—убійца, проклятый,
Но изъ Рая онъ дерзко шагнулъ.
Страхомъ Смерти объятый,
Все же первый въ лицо ей взглянулъ.

Жадно ищущій Бога,
Первый бросилъ проклятье Ему.
И, достигнувъ порога,
Паль, сраженный, увидѣвши—тѣму.

Но и въ тѣмѣ онъ возславить
Только Знаніе, Разумъ и Свѣтъ—
Башню Солнца поставитъ,
Вдавить въ землю незыблемый слѣдъ.

И глаза великана
Красной кровью свирѣпо горятъ,
И долины Ливана
Подъ великою ношей гудятъ.

Синекудрый, весь бурый—
Изъ пустыни и зноя литой—
Опоясанъ онъ шкурой.
Шкурой льва золотой и густой.

Онъ спѣшить, онъ швыряетъ,
Онъ скалу на скалу громоздить.
Онъ дрожить, умираетъ...
Но Творцу отомстить, отомстить!

ЦВѢТНЫЯ СТЕКЛА.

Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половицъ прогнившихъ скрипъ.

Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стеклянныхъ невысокихъ шкафахъ
Гдѣ рядомъ Сю и Патерикъ.

Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ...
И серебро иконъ въ божничкѣ,
И въ горкѣ матовый фарфоръ.

И васъ, и васъ, дагеротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ!
И сумракъ отъ столѣтней липы,
И скрипъ прогнившихъ половицъ.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ.

Дѣвушки русалочки, нынче нашъ послѣдній день!
Свѣтъ за лѣсомъ занимается, поблѣднѣли небеса,
Собираются съ дубинами мужики изъ деревень
На опушку у зеленого холодного овса.

Мы изъ рѣчки—на долину,
Изъ долины—по отвѣсу,
По березовому лѣсу—
На равнину,
На востокъ, на ранній свѣтъ,
На серебряный разсвѣтъ,
На овсы—
Вдоль по жемчугу по сизому росы!

Дѣвушки русалочки, звонко стало по лугамъ.
Заблѣла рѣчка въ сумракѣ, въ алѣюшемъ пару.
Пнями пахнетъ лѣсъ березовый по откосамъ, берегамъ,
Густъ и зеленъ онъ, кудрявый, по утру!

По утру вода тепла,
Холодна трава сѣдая—
А въ лѣсахъ она густая—
Да ужъ скоро соберутся изъ села!
Мы изъ рѣчки—на откосы,
На опушку—изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣгу въ росы—
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ.

Дѣвушки русалочки, стойте, поглядите на разсвѣтъ!
Бѣль-востокъ алѣетъ, ширится,—широко зарей въ поляхъ.
Ни души-то нѣту, милыя,—только ранній алый свѣтъ,
Да холодный крупный жемчугъ на стебляхъ.

Мы, нагя,
Всѣмъ чужя,
На опушкѣ, на полянѣ,
Блѣдны, по поясъ въ пару...
Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
Ко двору!
Жарко въ небѣ солнце божье
На Петровъ играетъ день:
До Ильи сулитъ бездожде,
Пыль, сухмень.
Ночью омутъ нашъ, сестрицы,
Темень, слѣпъ.
Ночью знойныя зарницы
Зарячь хлѣбъ.

ПУГАЛО.

На задворкахъ, за ригами
Богатыхъ мужиковъ,
Стоитъ оно, родимое,
Одиннадцать вѣковъ.

Подъ шапкою лохматою—
Дубинка-голова.
Крестомъ по вѣтру треплются
Пустые рукава.

Старновкой—чистымъ золотомъ!—
Набить его чекмень,
На зависть на великую
Сосѣднихъ деревень...

Онъ, огородъ-то, выпаханъ,—
Ужъ есть и лебеда,
И глина означается,—
Да это не бѣда!

Не много дѣлъ и пугалу...
Да развѣ огородъ
Такое ужъ сокровище?—
Пугался бы народъ!

СЛѢПОЙ.

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.

Мальчишкѣ беззаботно въ чистомъ полѣ—
На васильки, на нѣжный цвѣтъ куколи
Глазѣтъ онъ, скучающій ребенокъ...
Но показался хуторъ. „Пой, чертенокъ!“

И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Затягиваетъ мальчикъ—о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ,
Подъ загудѣвшій мрачный басъ калѣки.

„Вы пожалѣйте,—плачетъ альтъ,—бездомныхъ!
Вы пожалѣйте, люди, сырыхъ, темныхъ!“
И басъ грозитъ: „Въ аду, въ огнѣ сгорите.
На пропитаніе сырыхъ сотворите“.

И, угрожая, властнымъ мѣрнымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
Надъ скучной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалыщій
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Просковѣѣ.

НАСЛѢДСТВО.

Въ угольной—солнце, запахъ кипариса...
Въ ней круглый годъ не выставляли рамъ.
Покой любила тетушка Лариса,
Тепло, уютъ... И тихо было тамъ.

Полъ мягко устланъ—коврики, попоны...
Все старомодно—кресла, туалетъ,
Комодъ, кровать... Въ углу на югъ—иконы,
И сколько ихъ въ божничкѣ,—счету нѣтъ!

Но, тетушка, о чемъ вы имъ молились,
Когда шептали въ требникъ и псалтирь
Да свѣчи жгли? Зачѣмъ не удалились
Вы живо въ могилу,—въ монастырь?

Приемышу съ молоденькой женою
Дала приютъ... „Скучненько намъ втроемъ,
Да что же дѣлать-съ! Давить тишиною
Васъ домикъ мой? Такъ не живите въ немъ!“

И молодые сѣли, укатили...
А тетушка скончалась въ тишинѣ
Лишь прошлый годъ... Вотъ филинъ и въ могилѣ,
Я Крезомъ сталь... Но горько, горько мнѣ!

Домъ развалился, темень, гниль и жалокъ,
Варокъ раскрытъ, въ саду—мужицкій скотъ,
Дворъ въ лопухахъ... И сколько бойкихъ галокъ
Сидитъ у трубъ!.. Но вотъ и „старый“ ходъ.

Попрежнему дверь въ залу туалетомъ
Заставлена въ угольной. На столахъ
Алфетъ пыль. Вечернимъ низкимъ свѣтомъ
Изъ оконъ солнце блещетъ въ зеркалахъ.

А въ образничкѣ—суздальскіе лики
Угодниковъ. Ужъ сняли за долги
Оклады съ нихъ. Они угрюмы, дики
И смотрятъ другъ на друга, какъ враги.

Богъ съ ними! Съ паутиною, пенкою
Я вырываю раму. Изъ щелей
Бѣгутъ двухвостки. Садомъ и рѣкою
Въ окно пахнуло... Такъ-то веселѣй!

Садъ вечерѣть. Слаше и свѣжѣе
Запахло въ немъ. Прозрачный мѣсяцъ всталъ.
Въ угольной ночью жутко... Да Кошеч
Мнѣ ни почемъ: я тетушку видалъ!

РЫБАЛКА.

Вода за холодные сѣрые дни въ октябрѣ
На отмеляхъ спала — прозрачная стала и чистая.
Въ пескѣ обнаженномъ оттиснулась лапка лучистая:
Рыбалка сидѣла на утренней ранней зарѣ.

Въ болотѣ лѣсномъ подѣ высокимъ коричневымъ шпак-
никомъ,
Гдѣ цѣпкая тина съ листвою купавъ сплетена,
Все лѣто жила, тосковала о дружкѣ она,
О дружкѣ, убитой заѣзжимъ охотникомъ-бражникомъ.

Зарю она улетѣла на дальній Дунай —
И горе забудеть. Но жизнь дорожить и рыбалкою:
Ей надо помучить кого-нибудь лѣсенкой жалкою —
И Груня жалкуеть, поеть... Вспоминай, вспоминай!

ПУГАЧЬ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающие золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ — и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золъ.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

НА ПЛЮЩИХЪ.

Полъ навощенъ, блеститъ паркетомъ.
Столовая озарена
Полуденнымъ горячимъ свѣтомъ.
Спитъ котъ на солнцѣ у окна:

Мурлыкаетъ и томно шуригъ
Янтарь зрачковъ, какъ леопардъ,
А бабушка—въ качалкѣ, курить
И думаетъ: „Итакъ, ужъ маргъ!

„А тамъ и праздники, и лѣто,
И снова осень“... Вдругъ въ окно
Влетѣло что-то,—вдоль буфета
Мелькнуло свѣтлое пятно,

Зажглось, блеснувъ, въ паркетномъ воскѣ —
И вновь исчезло... Что за шутъ?
А! это улицей подростки,
Какъ солнце, зеркало несутъ.

И снова думы: „Оглянуться
Не успѣваешь—года нѣтъ“...
А въ окна, сквозь гардины, льются
Столбы лучей, горячій свѣтъ,

И дымъ, лѣнивою куделью
Сливаясь съ свѣтлой полосой,
Синѣетъ, таетъ... какъ за елью
Въ далекой просѣлкѣ, весной.

КОШКА.

Кошка въ крапивѣ за домомъ жила.
Домъ обветшалый молчалъ, какъ могила.
Кошка въ него по ночамъ приходила
И замирала напротивъ стола.

Столъ обращень къ образамъ— позабыли,
Столъ какъ стоялъ, такъ остался. Въ углу
Каплями воскъ затвердѣлъ на полу—
Это горѣвшія свѣчи оплыли.

Помнишь? Лежить старичекъ-холостякъ:
Кротко закрыты рѣсницы— и кротко
Въ черненькій галстукъ склонилась борода...
Свѣчи пылають, дрожитъ нависающій мракъ...

Темень теперь флигмлекъ по ночамъ.
Кошка проходитъ и свѣтитъ глазами.
Уголь мерцаеть во тьмѣ образами.
Вѣтеръ шумить по печамъ.

БАБА-ЯГА.

Гулкій шумъ въ лѣсу нагоняеть сонъ—
Къ ночи на море палъ сырой туманъ.
Окружень со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Темной осенью островокъ Буянъ.

А еще темнѣй—мой холодный срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй.
А въ окно глядитъ только бурый дубъ,
Подъ которымъ смерть закопалъ Кошей.

Я состарилась, изболѣла вся—
Десять сотъ годовъ берегу ларецъ!
Будь огонь въ свѣтцѣ—я бѣ погрѣлася,
Будь дрова въ печи—похлебала бѣ щецъ.

Да огонь—въ моряхъ мореходу вѣсть,
Да на много верстъ слышенъ дымъ отъ лыкъ...
Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

ДЯДЬКА.

За окнами—снѣга, степная гладь и ширь,
На переплетахъ рамъ—слѣды ночной пурги...
Какъ тихъ и скученъ домъ! Какъ съежился снѣгирь
Отъ стужи за окномъ!.. Но вотъ слуга. Шаги.

По комнатамъ идетъ сѣдой костлявый дѣдъ,
Несетъ вечерній чай... „Опять глядишь въ углы?
Небось, все писемъ ждешь, депешъ, да эстафетъ?
Не жди. Ей не до насъ. Теперь въ Москвѣ—балы“.

Смутясь, глядитъ барчукъ на строгія очки,
На сѣдину бровей, на розовую плѣшь...
— Да нѣтъ, старикъ, я такъ... Сыграемъ въ дурачки,
Пораньше ляжемъ спать... Какихъ ужъ тамъ—депешъ!

*

Проснусь, проснусь—за окнами, въ саду.
Все тотъ же снѣгъ, все тотъ же блескъ полярный.
А въ залѣ—сумракъ... Слушаю и жду:
И вотъ опять—тайнственный, коварный,
Чуть слышный трескъ... Конечно, полъ, иль мышъ...
Но какъ насторожишься, какъ слѣдишь
За кѣмъ-то, притаившимся у двери
Въ повисшей безъ движенія портьерѣ!
Но онъ молчитъ, онъ замеръ... Тюль гардинъ
Сквозить въ голубоватомъ лунномъ блескѣ,
Да чуть мерцаютъ—искорками льдинъ—
Подъ люстрой стеклянныя подвѣски.

ГЕЙМДАЛЬ.

Онъ пилъ изъ ключа мудрости.

Геймдаль искалъ родникъ божественный.
Геймдаль, ты мудрости алкалъ—
И вотъ насталь твой часъ торжественный
Въ лѣсахъ, среди гранитныхъ скалъ.

Они молчатъ, лѣса полночные,
Ручьи, журча, едва текутъ,
И звѣзды позднія, восточныя
Ихъ вѣщій говоръ стерегутъ.

И шлемъ ты снялъ—и холодъ счастья
По волосамъ твоимъ прошелъ:
Мигъ обрученья, мигъ причастія,
Какъ смерть, былъ сладокъ и тяжелъ.

Теперь ты мудръ. Ты жаждалъ знанія—
И все забылъ. Великъ и простъ,
Ты слышишь мховъ произрастаніе
И дрожь земли при свѣтѣ звѣздъ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

На сѣверѣ есть розовые мхи,
Есть серебристо-шелковыя дюны...
Но темныхъ сосенъ звонкіе верхи
Поютъ, поютъ надъ моремъ, точно струны.

Послушай ихъ. Стань, прислонись къ соснѣ:
Сквозь грозный шумъ ты слышишь ли ихъ нѣжность;
Но и она—въ пѣвучемъ полуснѣ...
На сѣверѣ отрадна Безнадежность.

ТЯСИНА.

Болото тихой сѣверной страны
Въ осеннихъ сумеркахъ таинственнѣй погоста.
Цвѣтутъ цвѣты. Мы не поймемъ ихъ роста
Изъ заповѣдныхъ нѣдръ, изъ сонной глубины.

Порой, грустя, мы вспоминаемъ что-то...
Но что? Мы и землѣ, и Богу далеки...
Въ гробахъ трясинъ родятся огоньки...
Во тьмѣ родится свѣтъ... Мы—огоньки болота.

ОДИНЪ.

Онъ на западъ глядитъ—солнце къ морю спускается,
Свѣтитъ по морю краснымъ огнемъ.
Онъ застылъ на скалѣ—ветхій плащъ развѣвается
Отъ холоднаго вѣтра на немъ.

Опираясь на мечъ, онъ глядитъ на багровую
Чешую безпредѣльныхъ зыбей.
Но не видитъ онъ волнъ—только думу суровую
Означаютъ изгибы бровей.

Древенъ мѣръ. Онъ древнѣй. Плащъ Одина какъ вретиче,
Ржа вѣковъ—на желѣзномъ мечѣ...
Черный воронъ Хугинъ, скорбной Памяти дѣтище,
У него на плечѣ.

САТУРНЪ.

Разсѣянныя огненные зерна
Произрастаютъ въ мѣрѣ безъ конца.
При видѣ звѣздъ, душа на мигъ покорна:
Непостижимъ и вѣченъ трудъ Творца.

Но къ полночи восходитъ на востокѣ
Мертвецъ Сатурнъ—и блещетъ, какъ свинецъ...
Воистину, зловѣщи и жестоки
Твои дѣла, Творецъ!

Л Е Н Ъ.

Присѣла на могильникѣ Савурѣ
Старуха-Смерть, глядитъ на людной шляхъ.
Цвѣтущій ленъ полоскою лазури
Синѣетъ на поляхъ.

И говоритъ старуха-Смерть: „Здорово,
Прохожіе! Не надо ли кому
Льняного погребальнаго покрова?—
Не дорого возьму“.

И говоритъ Савуръ-курганъ: „Не каркай!
И саванъ—прахъ. И саванъ обреченъ
Истлѣть въ землѣ, чтобъ снова выросъ яркій
Небесно-синій ленъ“.

СЪ КОРАБЛЯ.

Для жизни жизнь! Вонъ пѣнные буруны
У сизыхъ каменистыхъ береговъ.
Вонъ красный киль давно разбитой шкуны...
Но кто жалѣеть мертвыхъ рыбаковъ?

Въ сыромъ пескѣ на солнцѣ сохнутъ кости...
Но радость неба, свѣтъ и бирюза,
Еще свѣжѣй при утреннемъ нордъ-остѣ—
И блескъ костей лишь радуетъ глаза.

ДИКАРЬ.

Надъ стремью скалъ—чернѣющей орель.
За стремью—синь, туманное поморье.
Онъ какъ во снѣ къ своей добычѣ шелъ
На этомъ поднебесномъ плоскогорьи.

Съ отвѣсныхъ скалъ летѣли внизъ кусты,
Но дерзость ихъ безумца не страшила:
Ему хотѣлось бѣльшей высоты—
И бездна смерти бездну довершила.

Ты знаешь, какъ глубоко въ синеву
Уходитъ грифъ, ужаленный стрѣлою?
И онъ напрягъ тугую тетиву—
И зашумѣли крылья надъ скалою.

И потонулъ въ бездонномъ небѣ грифъ,
И кровь, звѣздой упавшую оттуда
На берега, на известковый рифъ,
Смылъ океанъ волною изумруда.

ОБВАЛЪ.

Въ степи, съ обрыва на сто миль
Морская ширь открыта взорамъ.
Внизу, въ стремнинѣ—глина, пыль,
Щепа и кости съ мелкимъ соромъ.

Гудѣли ночью тополя,
Въ дремотѣ море бушевало—
Вдругъ тяжело охнула земля,
Весь берегъ дрогнулъ отъ обвала!

Сегодня тамъ стоятъ, глядятъ,
И алой, бѣлой павиликой
На солнцѣ зонтики блестятъ
Надъ бездной пѣнистой и дикой.

Никто не зналъ, что здѣсь—погость...
Да и теперь—кому онъ нуженъ!
Весенній вѣтеръ свѣжъ и простъ,
Онъ только съ молодостью друженъ!

Внизу—щепа, гробы въ пыли...
Да море берегъ косить, косить
Серпами волнъ—и отъ земли
Далеко соръ ея уносить!

У Т Р О.

И скрипъ, и визгъ надъ бухтой, наводненой
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытѣи, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ реяхъ крыльями тугими.
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканитъ грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплеть въ море золотомъ кипящимъ.

БЕРЕГЪ.

Вдоль этихъ плоскихъ знойныхъ береговъ
Лежатъ пески, торчатъ кусты дзарига.
И моря пышно-цвѣтное индиго
Равниною глядитъ изъ-за песковъ.

Нѣтъ даже чаекъ. Слабо проползаетъ
Щуршачій краббъ. Желтѣютъ кости рыбъ.
И береговъ краснѣющій изгибъ
Въ лиловыхъ полутонахъ исчезаетъ.

ЛЕТАРГІЯ.

Въ поляхъ — сухіе стебли кукурузы,
Слѣды колесъ и блеклая ботва.
Въ прозрачныхъ бухтахъ — блѣдныя медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагіе
Обрывы скалъ. Вотъ ночь, и мы идемъ
На темный берегъ. Въ морѣ — летаргія
Во всемъ великомъ таинствѣ своемъ.

„Ты видишь воду?“ — „Вижу только ртутный
Туманный блескъ. Мы на краю земли.“
И нити звѣздъ висятъ подъ нами въ мутной
Бездонно-фосфорической цыли.

СТРИЖИ.

Костель-маякъ, примѣта мореходу
На ребрахъ горъ, скалистыхъ и нагихъ,
Звонитъ зимой, въ туманъ и непогоду,
А нынче — штиль: закатъ и чистъ, и тихъ.

Одни стрижи, — какъ только надъ горою
Начнетъ гранитъ вершины розовѣть, —
Скользятъ въ пролетахъ башни — и порою
Чуть слышно будятъ мѣдь.

НА РЕЙДЪ.

Люблю сухой горячій блескъ червонца,
Когда его уронять съ корабля
И онъ, скользнувъ лучистой каплей солнца,
Прорѣжетъ волны у руля.

Склонясь съ бортовъ, съ невольною улыбкой
Всѣ смотрять внизъ. А онъ уже исчезъ.
Вверхъ по кормѣ струится глянецъ зыбкій
Отъ волнъ, отъ солнца и небесъ.

Какъ жаръ горять червонной мѣдью гайки
Подъ серебристымъ тентомъ корабля.
И плаваютъ на снѣжныхъ крыльяхъ чайки,
Косясь на волны у руля.

БАЛАГУЛА.

Балагула убѣгаетъ и трясеть меня.
Рыжий Айзикъ правитъ парой и сосетъ тютюнь.
Алый макъ во ржи мелькаетъ—лепестки огня.
Золотятся, льются нити телеграфныхъ струнь.

„Айзикъ, Айзикъ, вы заснули!“—„Ха! А развѣ панъ
Бдетъ въ городъ съ интересомъ? Панъ—поэтъ, артистъ!“
Правда, правда. Что мнѣ этотъ грязный Аккерманъ?
Степь привольна, день прохладенъ, воздухъ сухъ и чистъ.

Былъ я сыномъ, братомъ, другомъ, мужемъ и отцомъ,
Былъ въ довольствѣ... Все на смарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь вѣнчальнымъ золотымъ кольцомъ,
А потомъ... Потомъ въ таверну: вывезетъ лото!

Д I Я.

Штиль въ безгранично-свѣтломъ Акъ-Денизѣ.
Защѣль миндаля. Въ аулѣ тишина
И теплый блескъ. Въ мечети на карнизѣ,
Воркуя, ходять, ходять турмана.

Пригрѣтый лаской солнечнаго свѣта,
Сегодня въ полдень слаще и грустнѣй,
Задумчивѣй, чѣмъ прежде, съ минарета
Пѣлъ муэдзинъ... И все слѣдилъ за ней.

Дышаль онъ моремъ, тонкимъ ароматомъ
Садовъ въ цвѣту, тепломъ небесъ, земли...
А Дія шла по каменистымъ скатамъ,
По голышамъ межъ саклями—къ Али...

Къ Али? О, нѣтъ. На скатѣ подъ утесомъ
Журчитъ фонтанъ. Идутъ оттуда внизъ
Уступы крышъ по каменнымъ откосамъ
И безграничный виденъ Акъ-Денизъ.

Она ужъ тамъ. Но весель и спокоенъ
Взглядъ карихъ глазъ. Легка, какъ горный джинъ,
Подъ шелковымъ бешметомъ дѣтски-строенъ
Высокій станъ... Она нальетъ кувшинъ,

На камнѣ сброситъ красныя папучи
И будетъ мыть, топтать въ водѣ бѣлье...
—Журчи, журчи, звени, родникъ пѣвучій!
Она глядится въ зеркало твое.

Ей нравится ея босая ножка
Въ стеклѣ воды... Ей нравится сурьма
Ея бровей... Ей нравится немножко
Пока одно: она сама.

ИЗЪ АНАТОЛІЙСКИХЪ ПѢСНЕЙ.

ДѢВИЧЬЯ.

Свѣжій вѣтеръ дуетъ въ сумеркахъ
На скалистый островокъ.
Закачалась чайка сѣрая
Подъ скалой, какъ поплавокъ.

Подъ крыло головку спрятала
И забылась въ полуснѣ.
Я бы тоже позабылася
На качающей волнѣ!

Поздно ночью въ саклю темную
Грусть и скуку принесешь.
Поздно ночью съ милымъ встрѣтишься,
Да и то когда заснешь!

ИЗЪ АНАТОЛІЙСКИХЪ ПѢСНЕЙ.

РЫБАЦКАЯ.

Лѣтомъ въ морѣ легкая вода,
Бѣлые сухіе паруса,
Иглами стальными въ невода
Сыплется подъ баркою хамса.

Осенью не весель Трапезондъ!
Въ морѣ вьюга, холодъ и туманъ,
Ходить головами горизонтъ,
Въ пѣну зарывается баканъ.

Тяжела студеная вода,
Буря въ ночь осеннюю дерзка,
Да на волю гонить изъ гнѣзда
Лютая голодная тоска!

ЗАКОНЪ.

Во имя Бога, вѣчно всеблагого!
Онъ, давшій для писанія тростникъ,
Сказалъ: блюди написанное слово
И дѣлай то, что обѣщаль языкъ.

Принявъ законъ, прими его вериги.
Иль оттолкни—иль всей душою чти:
Не будь осломъ, который носить книги
Лишь потому, что ихъ велятъ нести.

МАНДРАГОРА.

Цвѣтокъ Мандрагора изъ могилъ разцвѣтаетъ,
Надъ гробами зарытыхъ возлѣ висѣлицъ черныхъ.
Мертвый соками тлѣнья Мандрагору питаетъ—
И она разцвѣтаетъ въ травахъ дикихъ и сорныхъ.

Братъ Каинъ, взростившій Мандрагору изъ яда!
Богъ убійцу, быть можетъ, милосердно осудитъ
Но палачъ—не убійца: онъ—исчадіе Ада
И цвѣтокъ, полный яда, Богъ тебѣ не забудеть!

НАПУТСТВИЕ.

„За погостомъ Скутари, за чернымъ
Кипарисовымъ лѣсомъ“...—„О, мать!
Страшно воздухомъ этимъ тлетворнымъ
Молодому дышать!“

„Тамъ шалашъ, въ шалашѣ—прокаженный“...
—„Пощади, свѣжестъ сердца!“—„Склонись
До земли и рукой обнаженной
Гнойной язвы коснись“.

—„Мать! Зачѣмъ? Развѣ душу и тѣло
Я не отдалъ тебѣ?“—„Замолчи.
Ты идешь на великое дѣло:
Ждутъ тебя палачи.“

Тверже стали, орлиного когтя
Безнадежное сердце. Склонись—
И рукой, обнаженной до локтя,
Смертной язвы коснись“.

РОЗЫ ШИРАЗА.

Пой, соловей! Онѣ томятся:
Въ шатрахъ узорчатыхъ мимозъ,
На ихъ рѣсницахъ серебрятся
Алмазы томныхъ крупныхъ слезъ.

Садъ въ эту ночь—какъ садъ Ирема.
И сладострастна, и блѣдна,
Какъ въ шакнизирь—тайникъ гарема,
Въ узоръ вѣтвей глядитъ луна.

Бѣлѣть мѣль стѣны неясно.
Но тамъ, гдѣ свѣтъ, его атласъ
Горитъ такъ зелено и страстно,
Какъ изумрудъ змѣиныхъ глазъ.

Пой, соловей! Томятъ желанья.
Цвѣты молчатъ—нѣтъ словъ у нихъ:
Ихъ сладкій зовъ—благоуханья,
Алмазы слезъ—покорность ихъ.

СЪ ОБЕЗЬЯНОЙ.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредеть худой согнувшийся хорватъ
По дачамъ утромъ. Въ юбка обезьянка
Бѣжить за нимъ, смѣшно поднявши задъ.

И дѣтское, и старческое что-то
Въ ея глазахъ печальныхъ. Какъ цыганъ,
Сожженъ хорватъ. Пыль, солнце, зной, работа...
Далеко отъ Одессы на Фонтанъ!

Ограды дачъ еще въ живомъ узорѣ—
Въ тѣни акацій. Солнце изъ-за дачъ
Глядитъ въ листву. Въ аллеяхъ блещетъ море...
День будетъ дологъ, свѣтелъ и горячъ.

И будетъ сонно, сонно. Черепицы
Стекломъ свѣтиться будутъ. Промелькнетъ
Велосипедъ безшумнымъ махомъ птицы,
Да прогремитъ въ нѣмецкой фурѣ ледъ.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вонъ кіоскъ: большой стаканъ воды
Дастъ съ томною улыбкою еврейка...
Но путь далекъ... Сады, сады, сады...

Звѣрокъ усталъ,—взоръ старичка-ребенка
Томитъ тоской. Хорватъ отъ жажды пьянъ.
Но пьетъ звѣрокъ: лиловая ладонка
Хватаетъ жадно пѣнистый стаканъ.

Поднявши брови, тянетъ обезьяна,
А онъ жуетъ засохшій бѣлый хлѣбъ
И медленно отходить въ тѣнь платана...
Ай, далеко, далеко ты, Загребъ!

СТАМБУЛЬ.

Облѣзлые худые кобели
Съ печальными молящими глазами—
Потомки тѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Былъ побѣдитель славенъ и богатъ
И затопилъ онъ шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царь-Градъ,
И предался, какъ сытый левъ, покою.

Но дни летятъ, летятъ быстрее птицъ!
И вотъ уже въ Скутари на погостѣ
Чернѣетъ лѣсъ, и тысячи гробницъ
Бѣлѣютъ въ кипарисахъ, точно кости.

И прахъ вѣковъ упалъ на прахъ святынь,
На славный городъ, нынѣ полудикій,
И вой собакъ звучитъ тоской пустынь
Подъ византійской ветхой базиликой.

И пусть Сераля, и смолкъ его фонтанъ,
И высохли столѣтнія деревья...
Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

МЕКАМЪ.

Мекамъ—восторгъ, священное радѣнье,
Стремленіе желанное постичь.
Мекамъ—тоска, блаженное томленье
И творчества беззвучный жадный кличь.

Къ мечтѣ безумецъ руки простираетъ
И алчетъ бога видѣть на яву.
Завѣтъ гласить: „узрѣвшій—умираетъ“.
Но смерть есть приближенъе къ божеству.

Благословенна сладостная мука
Трудовъ моихъ! Я творчеству отдамъ
Всю жизнь мою: на разстоянье лука
Ведетъ меня къ желанному мекамъ.

МАГОМЕТЪ ВЪ ИЗГНАНІИ.

Джины близъ Тайифа пролетали
Въ сумерки долиной каменистой.
Чу! Пророкъ!—Его слова звучали,
Какъ источникъ сладостный и чистый.

На камняхъ, среди кустовъ дзарига,
Онъ сидѣлъ и говорилъ, тоскуя:
„Я одинъ. Мнѣ тяжело Божье иго.
Я вдали отъ тѣхъ, кого люблю я!“

И сказали джины: „Недостойно
Быть Пророку слабымъ и усталымъ!“
И Пророкъ печально и спокойно
Отвѣчалъ: „Я жаловался скаламъ“.

БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Ангель Смерти въ Судный День умереть:
Истребить живущихъ—и со стономъ
Прилетитъ къ Аллаху—и простретъ,
Бездыханный, крылья передъ трономъ.

Ангель Мести, грозный судія!
На твоёмъ стальномъ клинкѣ изсѣченъ
Грозный кличъ: „Безсмертенъ только Я.
Трепешите! Ангель Мести вѣченъ.“

КАИРЪ.

Англійскіе солдаты съ цитадели
Глядятъ за Нилъ, на западъ. Отъ Али
До пирамидъ, среди долинъ въ пыли,
Лежитъ Каиръ. Онъ сухъ и сѣръ въ апрѣлѣ.

Билъ барабанъ и плакалъ муэzzинъ.
Въ шафранно-сизой мути, за пустыней
Померкъ закатъ. И душень мутно-синій
Вечерній воздухъ. Близится хамсинъ.

Веселыми несмѣтными огнями
Горитъ Каиръ. А сфинксъ отъ пирамидъ
Глядитъ въ ночную бездну—на Апитъ
И темъ вѣковъ. Богъ Ра въ могилѣ. Въ ямѣ.

ИСТАРА.

Луна, богъ Синъ, ее зарей встрѣчаетъ.
Она свой путь свершаетъ на быкъ,
Ее тиара звѣздная вѣнчаетъ,
Стрѣла и лукъ лежатъ въ ея рукѣ.

Царица битвъ, она рѣшаетъ битвы,
Судья царей, она неправымъ мститъ—
И ужъ ни дымъ, ни еиміамъ молитвы
Ея очей тогда не обольститъ.

Но вотъ весна. Среди рѣчного пара
Свой блѣдный ликъ подьземлетъ Синъ, луна—
И какъ нѣжна становится Истара!

Откинувъ лукъ, до чреслъ обнажена,
Таинственна и сладостна, какъ чара,
Съ какой мольбой ждетъ страстныхъ ласкъ она!

ЕГИПЕТЪ.

Ра-Озирисъ, владыка дня и свѣта,
Хвала тебѣ! Я, богъ пустыни, Сетъ,
Горжусь врагомъ: ты, побѣждая Сета,
Въ его странѣ царилъ пять тысячъ лѣтъ.

Ты славенъ былъ, твоя ладья воспѣта
Была стократъ. Но за ладьей во слѣдъ
Шелъ богъ пустынь, богъ древняго завѣта—
И вотъ, о Ра, плоды твоихъ побѣдъ:

Безносый сфинксъ среди полей Гизеха,
Лѣнивый Ниль да глыбы пирамидъ,
Руины Фивъ, гдѣ гулко бродитъ эхо,
Да письменна въ куски разбитыхъ плитъ,

Да обелискъ въ блестящей политуρφъ,
Да пыль песковъ на пламенной лазури.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ.

Къ оракулу и капищу Сиваха
Шель Александръ. Дыханіемъ костра
Дуль вѣтеръ изъ пустыни. Тучи праха
Темнили свѣтъ и рвали ткань шатра.

Изъ-подъ шатра съ верблюда, въ тучахъ пыли,
Онъ различалъ своихъ проводниковъ:
Два ворона на синихъ крыльяхъ плыли,
Борясь съ косыми вихрями песковъ.

И вдругъ упали вихри. И верблюды
Остановились: медленно идетъ
Песками змѣй, весь черный. Изумруды
Горятъ на немъ. Глаза—какъ мутный ледъ.

Идетъ—и вотъ ихъ двое: онъ, Великій,
И змѣй, дрожащій въ солнечномъ огнѣ,
Рогатый, мутноглазый, черноликій,
Весь въ самоцвѣтахъ пышныхъ, какъ въ бронѣ.

„Склони чело и дай дорогу змѣю!“
Вѣщаетъ змѣй. И замеръ царь... О, да!
Кто назоветъ вселенную своею?
Кто властелиномъ будетъ? И когда?

Онъ, символъ и зловѣщій стражъ Востока,
Онъ тоже царь: кто жъ приметъ власть боговъ?
— Не вы, враги. Грядущій богъ далеко,
Но онъ придетъ, другъ темныхъ рыбаковъ!

ДЖОРДАНО БРУНО.

„Ковчегъ подъ предводительствомъ осла—
Вотъ мѣръ людей. Живите во Вселенной.
Земля—вертепъ обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизмѣнной.“

„Ты, мать-земля, душѣ моей близка—
И далека. Люблю я смѣхъ и радость,
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость!“

И вотъ онъ посохъ странника беретъ.
Простите, келій сумрачные своды!
Его душа, всѣмъ чуждая, живетъ
Теперь однимъ: дыханіемъ свободы.

„Вы всѣ рабы. Царь вашей вѣры.—Звѣрь:
Я свергну тронъ слѣпой и мрачной вѣры.
Вы въ капищѣ: я распахну вамъ дверь
На блескъ и свѣтъ, въ лазурь и бездну Сферы.“

„Ни безднѣ безднѣ, ни жизни грани нѣтъ.
Мы остановимъ солнце Птоломея—
И вихрь міровъ, несмѣтный сонмъ планетъ,
Предъ нами развернется, пламенѣя!“

И онъ дерзнулъ на все—вплоть до небесъ.
Но разрушенье—жажда созиданья,
И, разрушая, жаждалъ онъ чудесъ—
Божественной гармоніи Созданья.

Глаза сіяютъ, дерзкая мечта
Въ мѣръ откровеній радостныхъ уносить.
Лишь въ истинѣ—и цѣль и красота.
Но тѣмъ сильнѣе сердце жизни просить.

„Ты, дѣвочка! ты, съ ангельскимъ лицомъ,
Поющая надъ старой звонкой лютой!
Я могъ твоимъ быть другомъ и отцомъ...
Но я одинъ. Нѣтъ въ мѣрѣ безпріютнѣй

„Высоко несъ я стягъ своей любви.
Но есть другія радости, другія:
Оледенивъ желанія свои,
Я только твой, познаніе—софія!“

И вотъ, опять онъ странникъ. И опять
Глядитъ онъ вдачь. Глаза блестятъ, но строго
Его лицо. Враги, вамъ не понять,
Что Богъ есть Свѣтъ. И онъ умретъ за Бога.

„Миръ—бездна безднѣ. И каждый атомъ въ немъ
Проникнуть Богомъ—жизнью, красою.
Живя и умирая, мы живемъ
Единою всемірною Душою.

„Ты, съ лютнею! Мечты твоихъ очей
Не этуль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвѣздія ночей!
Вы только этой Радостью дышали“.

И маленькій тревожный человѣкъ
Съ блестящимъ взглядомъ, яркимъ и холоднымъ,
Идетъ въ огонь. *„Умершій въ рабскій вѣкъ
Безсмертіемъ вѣчается—въ свободномъ!*

„Я умираю—ибо такъ хочу.
Развѣй, палачъ, развѣй мой прахъ, презрѣнный!
Привѣтъ Вселенной, Солнцу! Палачу!—
Онъ мысль мою развѣтъ по Вселенной!“

ГОДИВА.

Поэма А. Теннисона.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣлъ
На три высокихъ башни—и въ поэмѣ
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посѣвъ Временъ, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленіи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: „Подать намъ грозить
Голодной смертью!“—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу

Шагаль среди собакъ, пошла Годива
 И, рассказавъ о вопляхъ, повторила
 Мольбу народа: „Подати грозятъ
 Голодной смертью!“ Графъ отъ изумленья
 Раскрылъ глаза.—„Но вы за эту сволочь
 Мизинца не уколете!“—сказалъ онъ.
 „Я умереть согласна“—возразила
 Ему Годива. Графъ захохоталъ,
 Петромъ и Павломъ громко побожился,
 Потомъ по бриллиантовой сережкѣ
 Годивѣ шелкнулъ:—„Розказни!“ „Но чѣмъ же
 Мнѣ доказать?“—отвѣтила Годива.
 И жесткое, какъ длань Исава, сердце
 Не дрогнуло.—„Ступайте,—молвилъ графъ,
 По городу нагая—и налоги
 Я отъѣню“—насмѣшливо кивнулъ ей
 И зашагалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
 Какъ вихри, закружились въ ней и долго
 Вели борьбу, пока не побѣдило
 Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
 Тогда она отправила, чтобъ городъ
 Узналъ при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
 Назначенномъ Годивѣ: только этой
 Цѣною облегчить могла Годива
 Его удѣлъ. Годиву любятъ,—пусть же
 До полдня ни единая нога
 Не ступить за порогъ, и ни единый
 Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть все
 Затворять двери, спускать въ окнахъ ставни,

И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялася
 На верхъ, въ свои покои, растянула
 Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
 Суроваго супруга—и на мигъ
 Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтний мѣсяцъ,
 Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
 Тряхнула головой и, уронивши
 Почти до пятъ волну волосъ тяжелыхъ,
 Одежду быстро сбросила, прокрасалась
 Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
 Скользя какъ лучъ среди колоннъ, къ воротамъ,
 Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
 Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
 Какъ гений цѣломудрія. И замеръ,
 Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
 Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
 Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
 Косился жолобъ. Тявканье дворняжки
 Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
 Пугалъ, какъ грохотъ грома. Каждый ставень
 Былъ полонъ дыръ. Причудливой толпою
 Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
 Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
 Въ готическія арки укрѣпленій
 Не засіяли цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
 Кусты густой цвѣтушей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ гений цѣломудрія. Былъ нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало
Пословицѣ: онъ сдѣлалъ въ ставнѣ шелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеша, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли,—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ Зломъ. Годива же достигла
Въ невѣдѣннй замка—и лишь только
Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башень
Созвучный полдень. Въ мантии, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.

Изъ „Золотой Легенды“ Лонгфелло.

І. Н О Ч Ь.

Колокольня Страсбургскаго собора.—Ночь.—Буря.
Люциферъ и Духи Воздуха пытаются свергнуть крестъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Сбросьте! Сбросьте!
О, скорѣе
Сбросьте, духи, на земь тяжкій
Крестъ собора, на позоръ намъ
Вознесенный въ небеса!

Г о л о с а.

Мы безсильны!
Херувимы
И святые тѣснымъ сонмомъ
Заступили крестъ, повсюду
Отражая нашу рать!

К о л о к о л а.

Laudo Deum verum!
Plebem voco!
Congrego clerum!

Люциферъ.

Въ башню! Въ башню!
Овладейте
Колокольней—и со звономъ,
Съ гуломъ, шумомъ низвергайте
Съ башни мѣдъ колоколовъ!

Голоса.

Мы безсильны!
Ихъ кропили
Освященною водою!
Ихъ крестили! Наша ярость
Безполезна и жалка!

Колокола.

Defunctos ploro!
Pestem fugo!
Festa decoro!

Люциферъ.

Рвите рамы!
Бейте въ окна,
Въ пурпуръ, въ золото ихъ стеколъ—
Размечите ихъ, какъ листья
Предъ лицомъ осеннихъ бурь!

Голоса.

Мы безсильны!
Жжетъ и блещетъ
Мечъ палящій Михаила,
Мечъ Того, кто насъ, смятенныхъ,
Свергнулъ нѣкогда съ небесъ!

Колокола.

Funera plango!
Fulgura frango!
Sabatta pango!

Люциферъ.

Мѣйте стрѣлы
Молній въ двери,
Въ латы сумрачныхъ порталовъ!
Сокрушите храмъ, разбейте
Прахъ и пепель мертвецовъ!

Голоса.

Мы безсильны!
Страстотерпы
И апостолы Иисуса,
Въ строгихъ мантияхъ, въ хитонахъ,
Стражей встали при дверяхъ!

Колокола

Excito lentos!
Dessipo ventos!
Paco cruentos!

Люциферъ.

Родъ презрѣнный!
Малодушный!
Совершить вашъ трудъ—великий
Разрушитель, Время! Скройте
Въ ночь и мракъ!—Близка заря.

Г о л о с а.

Мчимся! Мчимся!
Съ вѣтромъ ночи,
Надъ полями, надъ лѣсами,
Надъ поселками нѣмыми,
Все, какъ смерть, губя въ пути!

Исчезаютъ.

Органъ и хоръ.

Nocte surgentos!
Vigilimus omnes!

2. У Т Р О.

Ферма въ Оденвальдѣ.—Садъ.—Утро.—Принцъ Генри
читаетъ:

Однажды утромъ,
По вѣковому сумрачному лѣсу,
Изъ древнихъ сѣрыхъ стѣнъ монастыря,
Съ задумчиво поникшей головою
И тихою молитвой на устахъ
Шель инокъ Феликсъ.

Былъ зноенъ лѣтній воздухъ, а зеленый
Тѣнистый лѣсъ напоминалъ святую
И мирную обитель. Золотые
Лежали мхи среди деревьевъ, вѣтви
Какъ бы творили знаменье креста,
Качаясь и шепча свои молитвы,
И разливался сладкій нѣжный запахъ
Лѣсныхъ цвѣтовъ и виноградныхъ лозъ,
Тянувшихся по сучьямъ къ свѣту солнца.

Но инокъ Феликсъ
Былъ погруженъ въ глубокое раздумье:

Его глаза
Покоились на книгѣ Августина,
Гдѣ онъ прочелъ
О дивномъ и незримомъ Божьемъ Градѣ
Въ далекой и невѣдомой странѣ.
„Всѣмъ сердцемъ вѣрю
Въ Твои дѣянья, Господи!—сказалъ онъ,
Но не могу постигнуть ихъ“.—И вдругъ
Въ лѣсу раздался голосъ,—дивный голосъ
Какой-то птицы,—райски-бѣлоснѣжной,
Упавшей точно съ неба и запѣвшей
Столь сладостно, столь звучно, точно струны
Несмѣтныхъ арфъ. И Феликсъ,
Остановясь, закрылъ святую книгу
И долго, долго
Стоялъ въ лѣсу недвижимъ, восхищенный.
Доколѣ не увидѣлъ, какъ во снѣ,
Небеснаго убѣжища Блаженныхъ
И ангеловъ, ходящихъ въ Божьемъ Градѣ
По золотымъ, по звучнымъ плитамъ улицъ.
Онъ всей душой
Хотѣлъ поймать таинственную птицу,
Но птица по холмамъ и по доламъ
Все далѣе и далѣе летѣла—
И Феликсъ вмѣсто сладостнаго пѣнья
Вдругъ услышалъ далекий звонъ, зовущій
Къ полуденной молитвѣ,—и поспѣшно
Въ обитель возвратился. Что жъ онъ видитъ?
Онъ узнаетъ знакомыя мѣста,
Шпицъ колокольни, пасмурныя стѣны
Изъ сѣраго гранита, кельи, вышки,
Но, взглядываясь въ братію, не видитъ

Ни одного знакомаго: повсюду
Чужія непривѣтливыя лица,
И новые для слуха голоса
Поютъ хвалы подъ голоса органа.

И всѣмъ чужой,
Межъ старыми дубовыми скамьями,
Стоялъ въ толпѣ монаховъ инокъ Феликсъ.
„Я сорокъ лѣтъ
Живу въ лѣсной обители,—промолвилъ
Одинъ изъ нихъ,—но этого лица
За сорокъ лѣтъ я никогда не видѣлъ“.

Похолодѣвъ отъ страха, Феликсъ робко
Сказалъ въ отвѣтъ: „Окончивъ Первый Часъ,
Я нынче утромъ вышелъ за ворота
И долго шель, влекомый сладкимъ пѣньемъ
Какой-то бѣлоснѣжной дивной птицы,
Пока вдали
Не услышалъ полуденнаго звона.
Я былъ какъ бы во снѣ:
Часы мнѣ показались краткимъ мигомъ“.

„Года!“—сказалъ монахъ,
Сидѣвшій за дубовой темной партой
Подъ каменной стѣною. Это былъ
Старѣйшій между всѣми. Онъ столѣтье
Провелъ въ лѣсу, въ святомъ служеньи Богу,
Онъ вспомнилъ голосъ Феликса, всмотрѣлся
Въ его лицо и медленно промолвилъ:
„Сто лѣтъ назадъ,

Когда я былъ послушникомъ, былъ въ этой
Обители, хранимой Богомъ, инокъ,
Весьма Ему угодный, и носившій
Святое имя: Феликсъ. Это Феликсъ“.

И вынесли на свѣтъ
Изъ пыльнаго скрипторіума книгу,
Огромную, оправленную мѣдью
И темной кожей дикаго медвѣдя,
Въ которой отмѣчались имена
Всѣхъ иноковъ, здѣсь жившихъ и умершихъ,
И тамъ прочли
Все сказанное старцемъ: что столѣтье
Тому назадъ, въ такой-то день и мѣсяцъ,
Ушелъ изъ вратъ обители братъ Феликсъ
И подъ ея благословенный кровъ
Ужъ больше не вернулся—слылъ умершимъ
И, прочитавъ, признали, что ему,
Плѣненному безсмертной райской пѣсней,
Воистину казался вѣкъ мгновеньемъ.

БАЙРОНЪ.

КАИНЪ.

МИСТЕРІЯ.

Змій же бѣ мудрѣйшій воѣхъ
звѣрей сущихъ на земли, ихже
сотвори Господь Богъ.

Быт. 3, 1.

DRAMATIS PERSONAE.

МУЖЧИНЫ.—Адамъ.

Каинъ.

Авель.

ДУХИ.—Ангелъ Господень.

Люциферъ.

ЖЕНЩИНЫ.—Ева.

Ада.

Селла.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ рая.—Восходъ солнца.

Адамъ, Ева, Каинъ, Авель, Ада, Селла—на молитвѣ.

А д а м ъ .

Иго̀ва, Вѣчный, Мудрый, Безконечный!
Ты, кто воззвалъ единымъ мощнымъ словомъ
Изъ мрака свѣтъ—хвала тебѣ и слава!
На утрѣ дня—хвала тебѣ и слава!

Е в а .

Иго̀ва! Ты, кто далъ намъ день, и утро
Впервые отдѣлилъ отъ тьмы, и воды
Съ водами разлучилъ, и назвалъ небомъ
Твердь между водъ—хвала тебѣ и слава!

А в е л ь .

Иго̀ва! Ты, кто раздѣлилъ стихіи
На землю, воду, воздухъ и огонь,

Кто, сотворивъ свѣтила дня и ночи,
Создалъ и тѣхъ, которые могли бы
Любить тебя, любить твои созданья
И ликовать—хвала, хвала тебѣ!

А д а.

Иегова, Богъ! Отецъ всей суши твари,
Создавшій человѣка всѣхъ прекраснѣй,
Достойнѣй всѣхъ земной любви, дозволя мнѣ
Любить его!—Хвала, хвала тебѣ!

С е л л а.

Иегова! Ты, кто, все благословляя,
Все сотворивъ и все любя, дозволилъ
Войти въ Эдемъ и погубить насъ змію,
Храни насъ впредь! Хвала тебѣ и слава!

А д а м ъ.

Мой первенецъ, а что же ты молчишь?

К а и н ъ.

Что дѣлать мнѣ?

А д а м ъ.

Молись.

К а и н ъ.

Вѣдь, вы молились.

А д а м ъ.

Отъ всей души.

К а и н ъ.

И громко: я васъ слышалъ.

А д а м ъ.

Какъ и Творецъ, надѣюсь я.

А в е л ь.

Аминь.

А д а м ъ.

Но ты молчишь, сынъ Каинъ.

К а и н ъ.

Это лучше.

Адамъ.

Скажи яснѣй.

Каинъ.

Мнѣ не о чемъ молиться.

Адамъ.

И не за что быть благодарнымъ?

Каинъ.

Нѣтъ.

Адамъ.

Но ты живешь?

Каинъ.

Чтобъ умереть?

Ева.

О, горе!

Плодъ древа запрещеннаго созрѣлъ.

Адамъ.

И мы опять должны его вкусить.
Зачѣмъ, о Боже, далъ ты древо знанья?

Каинъ.

Зачѣмъ ты не вкусилъ отъ древа жизни?
Тогда бѣ Онъ не страшилъ тебя.

Адамъ.

О, Каинъ!

Не богохульствуй: это рѣчи змія.

Каинъ.

Что жъ, змій не лгалъ: дало же древо знанье;
Другое—жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знаніе есть благо. Какъ же можетъ
Быть зломъ добро?

Ева.

Мой сынъ, ты говоришь,
Какъ я, свершая грѣхъ свой, говорила:
Не дай его мнѣ видѣть возрожденнымъ
Въ твоёмъ грѣхѣ. Я примирилась съ небомъ.

Не дай мнѣ зрѣть, здѣсь, за вратами Рая.
Свое дитя въ той сѣти, что сгубила
Въ Раю его родителей. Доволенъ
Будь тѣмъ, что есть: довольствуйся мы раемъ,
И ты бѣ теперь доволенъ быть. О, сынъ мой!

А д а м ъ.

Молитва наша кончена, идемте
Къ своимъ трудамъ урочнымъ, не тяжелымъ,
Но все жъ необходимымъ: нивы щедро
Намъ воздаютъ за малый трудъ.

Е в а.

Сынъ Каинъ,
Смотри, какъ онъ покоренъ и какъ бодръ:
Бери примѣръ.

Адамъ и Ева уходятъ.

А в е л ь.

Братъ, не гнѣви печалью
Предвѣчнаго: печаль безплодна.

А д а.

Каинъ,
Ты и на Аду хмуришься?

К а и н ъ.

Нѣтъ, Ада!

Но я одинъ побуду. Авель, мнѣ,
Не по себѣ; но это не надолго.
Иди же, братъ. И вы идите, сестры.
Не должно нѣжность грубостью встрѣчать:
Я буду вслѣдъ за вами.

А д а.

Если жъ нѣтъ,
Я за тобой вернусь сюда.

А в е л ь.

Да будетъ
Миръ надъ тобою, братъ!
Авель, Селла и Ада уходятъ.

К а и н ъ, одинъ.

И это жизнь!
Трудись, трудись! Но почему я долженъ
Трудиться? Потому, что мой отецъ
Утратилъ рай. Но въ чемъ же я виновенъ?
Въ тѣ дни я не рожденъ былъ,—не стремился
Рожденнымъ быть,—родившись, не люблю
Того, что мнѣ дало мое рожденье.

Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
А уступивъ, за что страдаетъ? Древо
Росло въ Раю и было такъ прекрасно:
Кто жъ долженъ былъ имъ пользоваться? Если
Не онъ, такъ для чего оно росло
Вблизи его? У нихъ на всѣ вопросы
Одинъ отвѣтъ: „Его святая воля,
А Онъ есть благъ“. Всесилень, такъ и благъ?
Зачѣмъ же эта благость наказуетъ
Меня за грѣхъ родителей?

Но кто-то

Идетъ сюда. По виду, это ангель,
Хотя онъ и суровѣй, и печальнѣй,
Чѣмъ ангелы: онъ мнѣ внушаетъ страхъ.
Онъ не страшнѣе тѣхъ, что потрясаютъ
Горящими мечами предъ вратами,
Вокругъ которыхъ часто я скитаюсь,
Чтобъ на свое законное наслѣдье—
На райскій садъ взглянуть хотя мелькомъ;
Скитаюсь до поры, пока не скроетъ
Ночная тьма Эдема и безсмертныхъ
Эдемскихъ насажденій, осѣнившихъ
Зубцы твердынь, хранимыхъ грозной стражей;
Я не дрожаль при видѣ херувимовъ,
Такъ отчего жъ я съ трепетомъ встрѣчаю
Того, кто приближается? Онъ смотритъ
Величественнѣй ангеловъ; онъ такъ же
Прекрасенъ, какъ безплотные, но, мнится,
Не столь прекрасенъ, какъ когда-то былъ,
Иль могъ бы быть: скорбь кажется мнѣ частью
Его души,—хотя доступна ль скорбь
Для ангеловъ? Но онъ подходитъ.

Люциферъ, приближаясь.

Смертный!

Каинъ.

Кто ты, о духъ?

Люциферъ.

Я повелитель духовъ.

Каинъ.

Но если такъ, зачѣмъ ты ихъ покинулъ
Для смертнаго?

Люциферъ.

Я знаю мысли смертныхъ
И сострадаю смертнымъ.

Каинъ.

Какъ! ты знаешь,
Что мысляю я?

Люциферъ.

Да, это мысли всѣхъ
Достойныхъ мысли; это говорить въ васъ
Безсмертіе.

К а и н ъ.

Безсмертіе? О немъ
Не знаемъ мы: безуміемъ Адама
Мы лишены плодовъ отъ древа жизни,
Межъ тѣмъ какъ мать вкусила слишкомъ рано
Плода отъ древа знанья—нашей смерти.

Л ю ц и ф е р ъ.

Ты будешь жить,—не вѣрь имъ.

К а и н ъ.

Я живу,
Но лишь затѣмъ, чтобъ умереть, и въ жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сдѣлать ненавистною мнѣ, кромѣ
Врожденной намъ привязанности къ жизни,
Презрѣнной, но ничѣмъ не побѣдимой:
Живя, я проклиная часъ рожденья
И презираю самого себя.

Л ю ц и ф е р ъ.

Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прахъ земной, что плоть твоя есть сущность.
Прахъ твой умереть, а ты вовѣкъ пребудешь
Тѣмъ, чѣмъ ты былъ.

К а и н ъ.

Чѣмъ былъ? Но и не больше?

Л ю ц и ф е р ъ.

Быть можетъ, ты подобенъ будешь намъ.

К а и н ъ.

А вы?

Л ю ц и ф е р ъ.

Мы вѣчны.

К а и н ъ.

Счастливы?

Л ю ц и ф е р ъ.

Могучи.

К а и н ъ.

Я говорю, вы счастливы?

Люциферъ.

Мы—нѣтъ.

А ты?

Каинъ.

Взгляни!

Люциферъ.

О, жалкій прахъ! Ты смѣешь
Считать себя несчастнымъ?

Каинъ.

Я несчастенъ.

А ты съ твоимъ могуществомъ—кто ты?

Люциферъ.

Тотъ, кто дерзалъ съ твоимъ творцомъ равняться
И кто тебя такимъ не сотворилъ бы.

Каинъ.

Да, ты глядишь почти что Богомъ. Ты...

Люциферъ.

Но я не богъ и, не достигнувъ бога,
Хочу одно: самимъ собой остаться.
Онъ побѣдилъ,—пусть царствуетъ!

Каинъ.

Кто—онъ?

Люциферъ.

Творецъ земли, творецъ людей...

Каинъ.

И неба,

И сушаго на небѣ. Такъ поютъ
Архангелы, такъ говоритъ родитель.

Люциферъ.

Они поютъ и говорятъ лишь то,
Что имъ велятъ. Ихъ устрашаетъ участь
Быть въ мѣрѣ тѣмъ, чѣмъ мы съ тобою стали:
Ты—межъ людей, я—межъ безсмертныхъ духовъ.

К а и н ъ.

А мы съ тобой—кто мы?

Л ю ц и ф е р ь.

Мы существа,
Дерзнувшія сознать свое безсмертье,
Вглянуть въ лицо всесильному Тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Онъ говоритъ, что создалъ насъ съ тобою—
Я этого не знаю и не вѣрю.
Что это такъ—но, если онъ насъ создалъ,
Онъ насъ не уничтожитъ: мы безсмертны!
Онъ долженъ былъ безсмертными создать насъ.
Чтобъ мучить насъ: пусть мучить! Онъ великъ,
Но онъ въ своемъ величїи несчастнѣй,
Чѣмъ мы въ борьбѣ. Зла не рождаетъ благо,
А онъ родить одно лишь зло. Но пусть
Онъ на своемъ престолѣ величавомъ
Творить міры, чтобъ облегчить себѣ
Ни съ кѣмъ не раздѣленное безсмертье;
Пусть громоздитъ на звѣзды звѣзды: все же
Онъ одинокъ, тиранъ безсмертный. Если бъ
Онъ самого себя могъ уничтожить,
То это былъ бы лучший даръ изъ всѣхъ
Его даровъ. Но пусть царить, пусть страждетъ!
Мы, духи, съ вами, смертными, мы можемъ
Хоть сострадать другъ другу; мы, терзаясь,
Мученія другъ другъ облегчаемъ
Сочувствїемъ: оно весь міръ связуетъ;

Но Онъ! въ своемъ величїи несчастный,
Въ несчастїи не знающій отрады,
Онъ лишь творить, чтобъ безъ конца творить!

К а и н ъ.

Ты говоришь о томъ, что хоть неясно,
Но ужъ давно въ моемъ умѣ носилось:
Я никогда не могъ согласовать
Того, что видѣлъ, съ тѣмъ, что говорятъ мнѣ.
Мать и отецъ толкуютъ мнѣ о змїѣ,
О древѣ, о плодахъ его; я вижу
Врата того, что было ихъ Эдемомъ,
И ангеловъ съ палящими мечами,
Изгнавшихъ насъ изъ Рая; я томлюсь
Въ трудахъ и думахъ; чувствую, что въ мірѣ
Ничтоженъ я, межъ тѣмъ какъ мысль моя
Сильна, какъ Богъ! Но я молчалъ, я думалъ,
Что я одинъ страдаю. Мой отецъ
Давно смирился; въ матери угасла
Та искра, что влекла ее къ познанию;
Братъ бдитъ стада и совершаетъ жертвы
Изъ первенцевъ отъ этихъ стадъ Тому.
Кто повелѣлъ, чтобъ намъ земля давала
Плоды лишь за тяжелый трудъ; сестра
Поетъ ему хвалы еще до солнца,
И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимаетъ мыслей,
Меня гнетущихъ: я еще не встрѣтилъ
Ни въ комъ себѣ сочувствїя! Тѣмъ лучше:
Я съ духами въ сообщество вступлю.

Люциферъ.

Ты этого сообщества достоинъ.
Иначе ты не видѣлъ бы меня:
Довольно было бѣ змѣя.

Каинъ.

А! Такъ это
Ты соблазнитель матери?

Люциферъ.

Ничѣмъ,
Помимо правды, я не соблазняю.
Вѣдь вы вкусили знанія, вѣдь были
Плоды на дровѣ жизни? Развѣ я
Давалъ запретъ вкушать отъ нихъ? И я ли
Растилъ плоды запретные къ соблазну
Существовъ душой невинныхъ, любопытныхъ
Въ своей святой невинности? Я бѣ создалъ
Богами васъ, а онъ лишилъ васъ Рая,
„Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
И не были, какъ боги“. Таковы
Его слова.

Каинъ.

Ты правъ. Я это слышалъ
Отъ гѣхъ, кому они звучали въ громѣ.

Люциферъ.

Такъ кто жъ злой духъ? Тотъ, кто лишилъ васъ жизни,
Иль тотъ, кто вамъ хотѣлъ дать жизнь и радость,
И знаніе?

Каинъ.

Имъ нужно было оба
Сорвать плода, иль не срывать совѣмъ!

Люциферъ.

Одинъ ужъ вашъ; стремитесь къ другому.

Каинъ.

Но какъ?

Люциферъ.

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не можетъ духа, если хочетъ
Духъ быть самимъ собой и средоточьемъ
Всего, что окружаетъ духъ; онъ созданъ,
Чтобъ царствовать.

К а и н ъ.

Отца и мать?
Не ты ли соблазнилъ

Люциферъ.

Я? Жалкій прахъ! Зачѣмъ мнѣ
Васъ соблазнять? И какъ?

К а и н ъ.

Мнѣ говорили,
Что змій былъ духъ.

Люциферъ.

Кто это говорить?
Не жалкое ль тщеславье челоуѣка,
Что силится свалить свое паденье
На насъ, на духовъ? Змій былъ змій, не больше,
Но и не меньше тѣхъ, что соблазнились.
Онъ тоже прахъ, но онъ мудрѣ ихъ,
Затѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Развѣ сталъ бы
Я принимать подобье смертной твари?

К а и н ъ.

Но тварь въ себѣ скрывала злого духа.

Люциферъ.

Нѣтъ, тварь его лишь разбудила въ тѣхъ,
Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея коварный.
Я говорю, что змій былъ только змій:
Спроси у херувимовъ, стерегущихъ
Запретный плодъ. Когда вѣка вѣковъ
Пройдутъ надъ вашимъ прахомъ безглагольнымъ,
Потомки ваши баснею украсятъ
Вашъ первый грѣхъ и мнѣ припишутъ образъ,
Который презираю я, какъ все,
Что предъ творцомъ склоняется, создавшимъ
Все сущее въ живыхъ для поклоненья
Передъ его безсмертиемъ угрюмымъ.
Но мы—мы знаемъ истину и станемъ
Провозглашать лишь истину. Адамъ
Плѣненъ былъ пресмыкающейся тварью.
Но духъ не пресмыкается: чему
Завидовать въ предѣлахъ тѣсныхъ Рая
Владыкѣ безпредѣльнаго пространства?
Но я съ тобою рѣчь веду о томъ,
Чего ты, несмотря на древо знанья,
Не можешь знать.

К а и н ъ.

Но укажи мнѣ то,
Чего я не хотѣлъ бы знать, не жаждалъ?

Люциферъ.

Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

Каинъ.

Ее

Никто еще не видѣлъ.

Люциферъ.

Испытать же

Придется всѣмъ.

Каинъ.

Отецъ мой говоритъ
О ней, какъ о чудовищѣ; мать плачетъ
При словѣ „смерть“; братъ Авель къ небесамъ
Возводитъ очи; Селла потупляетъ
Свои къ землѣ, шепча молитву; Ада
Глядитъ въ мои.

Люциферъ.

А ты?

Каинъ.

Когда я слышу
Объ этой всемогущей и, какъ видно,
Ничѣмъ неотвратимой смерти, думы

Несмѣтная въ моемъ умѣ тѣснится
И жгутъ его. Возможно ль съ ней бороться?
Я мальчикомъ со львомъ боролся въ играхъ
И такъ сжималъ въ объятіяхъ его,
Что онъ ревѣлъ и обращался въ бѣгство.

Люциферъ.

Смерть не имѣетъ образа, но все,
Что носить видъ земныхъ существъ, поглотить.

Каинъ.

Я смерть считалъ за существо. Что можетъ
Столь злостнымъ быть, помимо существа?

Люциферъ.

Спроси у Разрушителя.

Каинъ.

Какого?

Люциферъ.

Иль у Творца—зови его, какъ хочешь.
Вѣдь, онъ творить затѣмъ, чтобъ разрушать.

К а и н ъ.

Я этого не зналъ еще, но думалъ
Почти что то же самое, какъ только
Я услыхалъ о смерти. Я не знаю,
Что значить смерть, но смерть мнѣ представлялась
Всегда ужаснымъ чѣмъ-то. Я нерѣдко
Вперялъ свой взоръ во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видѣлъ чьи-то тѣни
У райскихъ стѣнъ, во мракѣ, гдѣ пылаютъ
Мечи въ десницѣ ангеловъ, и жадно
Слѣдилъ за тѣмъ, что мнѣ казалось смертью,
Весь трепеща отъ страха и желанья
Увидѣть то, предъ чѣмъ мы всѣ трепещемъ.
Но мракъ былъ пустъ, и я свой взоръ усталый
Отъ стѣнъ родного Рая отвращалъ
Къ свѣтиламъ горнимъ, къ синему эфиру,
Къ его огнямъ, столь нѣжнымъ и прекраснымъ.
Ужели и они умрутъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Быть можетъ;
Но надолго всѣхъ васъ переживутъ.

К а и н ъ.

Я радъ за нихъ. Но смерть! Смерть мнѣ внушаетъ трепетъ
Она есть нѣчто грозное: но что же?
Она намъ всѣмъ, виновнымъ и невиннымъ,
Какъ зло была объявлена: какое?

Л ю ц и ф е р ъ.

Вновь прахомъ стать.

К а и н ъ.

Стать неподвижнымъ прахомъ
Еще не зло; но только бы не быть
Ничѣмъ инымъ!

Л ю ц и ф е р ъ.

Презрѣнное желанье!
Презрѣннѣй, чѣмъ желанія Адама:
Тотъ хотъ стремился къ знанью.

К а и н ъ.

Но не къ жизни;
Иначе почему онъ не вкусилъ
Отъ древа жизни?

Л ю ц и ф е р ъ.

Изгнанъ былъ изъ Рая.

К а и н ъ.

Ужасная ошибка! Онъ былъ долженъ

Сперва сорвать плодъ жизни, но, не зная
Добра и Зла, не вѣдалъ онъ и смерти.
Увы! Я смерть узналъ еще такъ мало,
Но ужъ страшусь... того, чего не знаю.

Люциферъ.

А я, познавшій все, ужъ не страшусь
Ни передъ чѣмъ. Вотъ истинное знанье.

Каинъ.

Наставь меня.

Люциферъ.

Съ условіемъ.

Каинъ.

Какимъ?

Люциферъ.

Пади и поклонись мнѣ, какъ владыкѣ.

Каинъ.

Ты развѣ Богъ?

Люциферъ.

Не Богъ.

Каинъ.

Такъ равный Богу?

Люциферъ.

О, нѣтъ, я не имѣю ничего
Съ нимъ общаго—и не скорблю объ этомъ.
Я соглашусь быть чѣмъ угодно—выше
Иль даже ниже—только не слугою
Могущества Іеговы. Я не Богъ,
Но я великъ: не мало тѣхъ, что сердцемъ
Чтутъ власть мою,—ихъ будутъ сонмы; будь же
Изъ первыхъ—ты.

Каинъ.

Я никогда еще
Предъ божествомъ отца не преклонялся,
Хотя нерѣдко Авель умоляетъ,

Чтобъ мы свершали жертвы Богу вмѣстѣ.
Зачѣмъ же мнѣ склоняться предъ тобой?

Люциферъ.

Ты никогда предъ нимъ не преклонялся?

Каинъ.

Ты развѣ не слыхалъ меня? И развѣ
Ты самъ не зналъ объ этомъ? Ты всевѣдущъ.

Люциферъ.

Но не поклонникъ Бога—мой поклонникъ.

Каинъ.

Я не хочу сгибаться ни предъ кѣмъ.

Люциферъ.

Ты все же мой: непоклоненье Богу
Есть поклоненье мнѣ.

Каинъ.

Скажи яснѣе.

Люциферъ.

Ты самъ поймешь—со временемъ.

Каинъ.

Открой
Мнѣ тайну моего существованья.

Люциферъ.

Иди за мной.

Каинъ.

Мнѣ нужно на работу.
Я обѣщаль...

Люциферъ.

Что обѣщаль?

Каинъ.

Для жертвы
Набрать плодовъ.

Люциферъ.

Не ты ли говорилъ,
Что предъ Творцомъ ни разу не склонялся?

Каинъ.

Но Авель упросилъ меня. Вѣдь жертву
Свершу не я—скорѣ онъ. И Ада...

Люциферъ.

Чѣмъ ты смущенъ?

Каинъ.

Она моя сестра,
Мы рождены однимъ и тѣмъ же чревомъ
Въ одинъ и тотъ же день: она слезами
Исторгла обѣщанье у меня.
Я все готовъ перенести для Ады,
Я преклонюсь предъ чѣмъ угодно, лишь бы
Въ слезахъ ея не видѣть.

Люциферъ.

Такъ иди
Вослѣдъ за мной.

Каинъ.

Духъ, я иду.

Ада, *входя.*

Братъ Каинъ!

Я за тобой: ужъ полдень,—наступаетъ
Часъ отдыха и радости, и намъ
Недостаетъ тебя. Ты не работалъ,
Но я твой трудъ исполнила; созрѣли
Твои плоды и блещутъ, точно солнце.
Идемъ.

Каинъ.

Иль ты не видишь?

Ада.

Вижу—ангелъ.

Мы видимъ ихъ нерѣдко. Онъ раздѣлитъ
Часъ нашего полдневнаго досуга?

Каинъ.

Онъ не похожъ на ангеловъ, которыхъ
Мы видѣли.

А д а.

Есть развѣ и другіе?
Но и ему мы будемъ рады—такъ же,
Какъ и другимъ: тѣ не гнушались нами.

К а и н ъ, *Люциферу.*

Идешь ли ты?

Л ю ц и ф е р ъ.

Иди за мной.

К а и н ъ.

Я долженъ
Идти за нимъ.

А д а.

И насъ покинуть?

К а и н ъ.

Да.

А д а.

И даже Аду?

К а и н ъ.

Ада!

А д а.

Такъ позволь мнѣ
Идти съ тобой!

Л ю ц и ф е р ъ.

Нѣтъ, онъ пойдетъ одинъ.

А д а.

Кто ты, разъединяющій такъ властно
Сердца людей?

К а и н ъ.

Онъ Богъ.

А д а.

А кто объ этомъ
Тебѣ сказалъ?

К а и н ъ.

Онъ говоритъ, какъ Богъ.

А д а.

Такъ говорилъ и лживый змій.

Л ю ц и ф е р ъ.

Нѣтъ, Ада,
Змій вамъ не лгалъ: дало же древо знанья
Познаніе.

А д а.

На горе намъ!

Л ю ц и ф е р ъ.

О, да.
Но это горе—знаніе, и, значитъ,
Змій вамъ не лгалъ; онъ истиной прельстилъ васъ,
А истина, по существу, есть благо.

А д а.

Но истина несетъ намъ только бѣды:

Изгнаніе изъ нашего пріюта,
Тяжелый трудъ, душевный гнетъ и страхъ,
Томленіе о прошломъ и надежды
На то, что не вернется. Не ходи
За этимъ духомъ, Каинъ! Примиришь
Съ своей судьбой, какъ мы съ ней примирились,
Люби меня, какъ я тебя люблю.

Л ю ц и ф е р ъ.

Сильнѣй отца и матери?

А д а.

Сильнѣе!
Но развѣ это тоже смертный грѣхъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Пока—не грѣхъ; но будетъ имъ—въ грядущемъ,
Для вашего потомства.

А д а.

Какъ! Ужели
Любить Эноха дочь моя не будетъ?

Люциферъ.

Не такъ, какъ Ада—Каина.

А д а.

О, Боже!

Ужель они не будутъ ни любить,
Ни жизнь давать созданьямъ, что возникали бъ
Изъ ихъ любви, чтобъ вновь любить другъ друга?
Но развѣ не питаются они
Одною грудью? Развѣ не родился
Онъ, ихъ отецъ, въ одинъ и тотъ же часъ
Со мной отъ лона матери? И развѣ
Не любимъ мы другъ друга и любовью
Не множимъ гѣхъ, что будутъ такъ же нѣжно
Любить, какъ мы ихъ любимъ?—какъ люблю я
Тебя, мой братъ? Нѣтъ, не ходи за нимъ—
За этимъ духомъ: это духъ—намъ чуждый.

Люциферъ.

Но я не говорилъ тебѣ, что ваша
Любовь есть грѣхъ: она преступной будетъ
Въ глазахъ лишь гѣхъ, что васъ замѣнятъ въ жизни.

А д а.

Такъ, значить, добродѣтель и порокъ

Зависятъ отъ случайности? Тогда
Мы всѣ --рабы.

Люциферъ.

Рабами даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободныхъ мукъ бряцанію на арфахъ
И низкимъ восхваленіямъ Іеговы
За то, что онъ, Іегова, Всемогущъ
И не любовь внушаетъ имъ, а ужасъ.

А д а.

Кто всемогущъ, тотъ и всеблагъ.

Люциферъ.

Онъ былъ въ Раю?

Такимъ ли

А д а.

Врагъ! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекраснѣй,
Чѣмъ демонъ змій, но такъ же лживъ.

Люциферъ.

Правдивъ.

Спроси у вашей матери, у Евы:
Солгалъ ли змій?

А д а.

О, мать! Твое паденье
Для чадъ твоихъ губительнѣе было,
Чѣмъ для тебя; ты провела хоть юность
Въ Эдемѣ, въ беззаботномъ и блаженномъ
Общеніи съ блаженными; а насъ,
Не вѣдавшихъ Эдема, обступаютъ
Враги, которые присвоили себѣ
Слова Творца и соблазняютъ наши
Мятушіяся души нашей жадной
Неутоленной мыслью, какъ тебя
Змій соблазнилъ на лонѣ беззаботныхъ,
Невинныхъ юныхъ радостей твоихъ!
Безсмертному, стоящему предъ нами,
Я не могу отвѣтить, не могу
Проклясть его; я съ сладостной боязнью
Любуюсь имъ—и не могу бѣжать:
Въ его глазахъ—таинственная прелесть,
И я не въ силахъ взора отвести
Отъ этихъ глазъ; въ груди трепещетъ сердце,
Мнѣ страшно съ нимъ, но онъ влечетъ меня,
Влечетъ къ себѣ все ближе... Каинъ! Каинъ!
Спаси меня!

Каинъ.

Не бойся: онъ не демонъ.

А д а.

Но и не Богъ, не ангелъ Божій: я
Видала херувимовъ, серафимовъ;
Онъ не похожъ на нихъ.

Каинъ.

Есть духи выше:

Архангелы.

Люциферъ.

Еще есть выше.

А д а.

Есть,

Но развѣ тѣ блаженны?

Люциферъ.

Если рабство
Равняется блаженству—не блаженны.

А д а.

Я слышала, что нѣжны—серафимы,
А мудры—херувимы. Духъ, ты—мудрый.
Ты—херувимъ, тебѣ любовь чужда.

Люциферъ.

Когда любовь отъ знанья гибнетъ,—къмъ же
Быть долженъ тотъ, кого, узнавъ, не любишь?
Всезнающимъ и мудрымъ херувимамъ
Любовь чужда; такъ, значитъ, серафимы
Лишь по незнанью любятъ. Что любовь
Несовмѣстима съ знаніемъ, мы видимъ:
Примѣръ—судьба Адама. Выбирайте
Межъ знаньемъ и любовью,—вѣдь, другого
Нѣтъ выбора. Адамъ уже избралъ:
Онъ почитаетъ Бога лишь изъ страха.

А д а.

О, Каинъ! Избери любовь.

К а и н ъ.

Съ любовью
Къ тебѣ, сестра, я былъ рожденъ. Но больше
Я ничего на свѣтѣ не люблю.

А д а.

А мать, отецъ?

К а и н ъ.

Они насъ не любили,
Срывая плодъ, лишившій насъ Эдема.

А д а.

Мы не были въ то время рождены,
А если бы и были—неужели
Мы не должны любить ихъ такъ же нѣжно,
Какъ любимъ мы своихъ малютокъ, Каинъ?

К а и н ъ.

Мои едва лепечущія крошки!
Будь я увѣренъ въ счастья ихъ, я могъ бы
Почти простить... Но это не простится
Черезъ тысячи столѣтій! Никогда
Любить не будутъ память человѣка,
Что сѣмя человѣческаго рода
И сѣмя зла посѣять могъ въ одинъ
И тотъ же часъ. Онъ палъ, но мало было
Ему своихъ страданій: онъ зачалъ
Меня, тебя, всѣхъ насъ,—пока немногихъ,
И весь безмѣрный, безконечный рядъ,

Миряды, сонмы тѣхъ, что народятся
Наслѣдовать страданія, вѣками
Копленья. И это я, я долженъ
Быть ихъ отцомъ! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, мигъ блаженства,
Мгновеніе покоя, все, что любимъ
Мы въ дѣтяхъ и другъ въ другъ—все ведетъ
И насъ, и ихъ путемъ грѣха и скорби,
Лишь изрѣдка даруя мигъ отрады,
Къ невѣдомому—смерти. Древо знанья
Насъ обмануло: грѣхъ свершенъ, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаемъ лишь одно: что мы несчастны.

А д а.

Я не несчастна, Каинъ, и когда бы
Ты счастливъ былъ...

К а и н ъ.

Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь въ томъ, что унижаетъ
Во мнѣ мой духъ.

А д а.

Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но съ тѣми,

Что близки мнѣ, я думаю, могла бы!
Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мнѣ, хотя
Она и страшной кажется, какъ часто
Приходится мнѣ слышать.

Л ю ц и ф е р ъ.

Такъ одна
Ты счастлива не можешь быть?

А д а.

Но кто же
Одинъ бы могъ быть счастливъ или добръ?
Одна! но мнѣ мое уединенье
Всегда грѣхомъ казалось, если я
Не чаяла, что скоро встрѣчусь съ близкимъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Но Богъ твой одинокъ: такъ неужели
Не счастливъ онъ, не добръ?

А д а.

Онъ не одинъ:
Есть ангелы и смертные,—онъ счастливъ,

Даруя счастье ангеламъ и смертнымъ.
Вѣдь радость въ томъ, чтобъ радовать другихъ.

Люциферъ.

А твой отецъ,—давно ли изъ Эдема
Былъ изгнанъ онъ? А Каинъ? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?

А д а.

Увы!

Но ты—вѣдь, ты не ангелъ?

Люциферъ.

Нѣтъ, не ангелъ.

А почему—спроси у Всеблагаго,
Всесильнаго Создателя вселенной:
Онъ знаетъ тайну эту. Мы смирились,
Другіе воспротивились—и тщетно,
Какъ говорятъ намъ ангелы. По мнѣ же,
Не тщетно, нѣтъ,—разъ лучше быть не можетъ.
Есть въ духѣ мудрость,—мудрость же влечетъ
Духъ къ истинѣ, какъ сквозь разсвѣтныи сумракъ
Вашъ взоръ влечетъ далекий блескъ денницы.

А д а.

Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

Люциферъ.

Боготворишь иль любишь?

А д а.

Отецъ боготворить лишь одного
Незримаго.

Люциферъ.

Незримое являетъ
Себя въ прекрасныхъ символахъ. А эта
Звѣзда есть вождь небесной звѣздной рати.

А д а.

Отецъ и Бога видѣлъ.

Люциферъ.

Да. А ты?

А д а.

Я видѣла Творца въ его твореньяхъ.

Люциферъ.

А въ существѣ?

А д а.

Нѣтъ; развѣ лишь въ отцѣ,
Который есть подобіе Іеговы,
Иль въ ангелахъ, столь на тебя похожихъ.
Ихъ образъ лучезарнѣе, чѣмъ твой,
Хотя не такъ онъ властенъ и прекрасенъ:
Какъ тихій полдень, свѣтомъ напоенный,
Они на насъ взираютъ, ты же—ночь,
Ночной эфиръ, гдѣ облака, бѣлѣя,
Сквозятъ на темномъ пурпурѣ, а звѣзды
Лучистыми огнями испешряютъ
Таинственный и дивный сводъ небесъ.
Несмѣтная, мерцающія нѣжно,
Но такъ къ себѣ влекущая, онѣ
Мои глаза слезами наполняютъ,
Какъ ты теперь. Ты кажешься несчастнымъ;
Не дѣлай насъ такими же! Ты видишь—
Я плачу о тебѣ.

Люциферъ.

О, эти слезы!
Когда бъ ты знала, сколько ихъ прольется!

А д а.

Мной?

Люциферъ.

Всѣми.

А д а.

Кѣмъ?

Люциферъ.

Мирьядами мирядъ,
Миллионами миллионъ,—всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адомъ переполненнымъ, чье сѣмя
Въ твоей груди.

А д а.

О, Каинъ! Этотъ духъ
Насъ прокликаетъ.

К а и н ѣ.

Онъ меня ведетъ.

А д а.

Ведетъ—куда?

Л ю ц и ф е р ь.

Туда, гдѣ онъ пробудеть
Лишь только часъ, но гдѣ увидитъ то,
Что создано несчетными вѣками.

А д а.

Возможно ль это?

Л ю ц и ф е р ь.

Развѣ вашъ Создатель
Въ шесть дней не создалъ міръ вашъ изъ обломковъ
Былыхъ міровъ? И развѣ я, помощникъ
Въ Его созданьи міра, не могу
Въ часъ показать того, что создавалъ Онъ
Иль разрушалъ въ часы?

К а и н ь.

Веди меня.

А д а.

Но черезъ часъ вернется онъ?

Л ю ц и ф е р ь.

Вернется.

Мы временемъ не связаны. Я вѣчность
Могу вмѣстить въ единое мгновенье
И превратить мгновенье въ вѣчность. Духи
Свое существованье измѣряютъ
Не тѣмъ, чѣмъ вы. Но это тайна.—Каинъ!
Иди за мной.

А д а.

Но онъ ко мнѣ вернется?

Л ю ц и ф е р ь.

Да, женщина! Онъ первый и послѣдній,
За исключеньемъ только Одного,
Изъ этихъ мѣстъ вернется, чтобы сдѣлать
Ихъ міръ, еще безмолвный и пустынный,
Такимъ же населеннымъ, какъ и землю.

А д а.

Гдѣ ты живешь?

Л ю ц и ф е р ь.

Въ пространствѣ. Гдѣ могу
Я обитать? Тамъ, гдѣ твой Богъ, иль Боги.
Все въ мірѣ раздѣлилъ я: вѣчность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо

И то, что ни земля, ни небо—міръ,
Который населенъ и населится
Отъ тѣхъ, что населяли иль населятъ
То и другое: вотъ мои владѣнья.
Я раздѣлилъ съ нимъ царство и владѣю
Еще и тѣмъ, гдѣ онъ не властенъ. Если бѣ
Я не былъ столь могущественъ, то развѣ
Я былъ бы здѣсь? Здѣсь ангелы витаютъ.

А д а.

Но ангелы витали и въ Раю,
Гдѣ говорилъ лукавый змій.

Люциферъ.

Ты слышалъ
Призывъ мой, Каинъ? Если жаждешь знанья,
Иди за мною—жажда утолится,
И даже безъ запретнаго плода,
Способнаго лишить тебя навѣки
Единственнаго блага, что оставилъ
Тебѣ мой Врагъ. Иди за мною, Каинъ.

К а и н ъ.

Духъ, я иду.

Люциферъ и Каинъ уходятъ.

А д а, во слѣдъ имъ.

О, Каинъ! Братъ мой! Каинъ!

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бездна пространства.

Люциферъ и Каинъ.

Каинъ.

Не падая, я воздухъ попираю,
Хотя боюсь, что упаду.

Люциферъ.

Не бойся—
Довѣрься мнѣ, владыкѣ этой бездны.

Каинъ.

Но развѣ вѣра въ духа не грѣховна?

Люциферъ.

Сомнѣнье—гибель, вѣра—жизнь. Таковъ
Уставъ того, кто именуется бѣсомъ

Меня предъ сонмомъ ангеловъ, они же
Передаютъ названье это тварямъ,
Которымъ непонятно то, что выше
Ихъ жалкихъ чувствъ, которыя трепещутъ
Велѣній господина и считаютъ
Добромъ или зломъ все, что прикажетъ онъ.
Я въ рабствѣ не нуждаюсь. Ты увидишь
За тѣсной гранью маленькаго міра,
Гдѣ ты рожденъ, несмѣтные міры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомнѣнья. Будетъ день—
И человѣкъ, несомый водной хлябью,
Другому скажетъ: *взруй и гряди*—
И тотъ пойдетъ по хляби невредимо.
Я вѣры, какъ условія спасенья,
Не требую. Лети со мной, какъ равный,
Надъ бездною пространства,—я открою
Тебѣ живую лѣтопись міровъ
Прошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ.

К а и н ъ.

О богъ, или бѣсъ—кто бѣ ни былъ ты: что это?
Ужель земля?

Л ю ц и ф е р ъ.

Ты не узналъ земли?
Той персти, изъ которой ты былъ созданъ?

К а и н ъ.

Какъ! Этотъ кругъ, синѣющий въ эфирѣ
Вблизи кружка, похожаго на то,
Что ночью освѣщаетъ нашу землю,
И есть нашъ Рай? А гдѣ же стѣны Рая?
И тѣ, что стерегутъ ихъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Покажи

Мнѣ мѣсто Рая.

К а и н ъ.

Это невозможно!
Чѣмъ дальше мы уносимся впередъ,
Тѣмъ кругъ земли становится все меньше
И, уменьшаясь, свѣтится вдали
Все ярче серебристымъ звѣзднымъ свѣтомъ.
Мы съ быстротою солнечныхъ лучей
Летимъ впередъ, и онъ ужъ начинаетъ
Теряться средь безчисленнаго сонма
Окрестныхъ звѣздъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Но что бы ты подумалъ,
Когда бѣ узналъ, что есть міры громаднѣй,

Чѣмъ міръ земной, что есть созданья выше,
Чѣмъ человѣкъ, что ихъ число несмѣтно,
Что всѣ они на смерть обречены
И всѣ живутъ, всѣ страждутъ?

К а и н ъ.

Я бѣ гордился
Своимъ умомъ, постигнувшимъ все это.

Л ю ц и ф е р ъ.

А если духъ твой скованъ отъ рожденья
Тяжелой грубой плотью, если онъ,
Столь гордый тѣмъ, что знаетъ, жаждетъ новыхъ,
Все новыхъ, высшихъ знаній, а межъ тѣмъ
Не побѣдитъ ничтожнѣйшихъ, грубѣйшихъ,
Мерзвѣйшихъ нуждъ, и высшею отрадой
Считаетъ только сладостный и грязный,
Безъ мѣры истомляющій обманъ,
Влекущій къ созиданію лишь новыхъ
Несмѣтныхъ душъ, несмѣтныхъ тѣлъ, съ рожденья
Приговоренныхъ къ смерти?

К а и н ъ.

Духъ! я знаю
О смерти только то, что смерть ужасна,
Что смерть—нашъ общій горестный удѣлъ,

Какъ слышалъ я отъ матери, которой
Обязаны мы смертью вмѣстѣ съ жизнью.
Но если такъ, дай умереть мнѣ, духъ!
Вѣдь быть отцомъ созданий, обреченныхъ
На жизнь среди страданій и на гибель,
Не все ль равно, что смерть плодитъ, и въ мірѣ
Распространять злодѣйство?

Л ю ц и ф е р ъ.

Ты не можешь
Весь умереть: есть нѣчто, что бессмертно.

К а и н ъ.

Богъ это скрылъ, изгнавъ отца изъ Рая
И заклеивъ зловѣщимъ знакомъ смерти
Его чело. Но пусть во мнѣ погибнетъ
Хоть смертное, чтобъ въ остальномъ я былъ
Какъ ангелы.

Л ю ц и ф е р ъ.

Я ангельскаго чина:
Ты хочешь быть такимъ, какъ я?

К а и н ъ.

Но кто ты?
Я вижу только мощь твою и то,

Что ты мнѣ открываешь міръ, гнетущій
Величіемъ мою земную мощь,
И все же не превысившій желаній
И думъ моихъ.

Люциферъ.

О, гордая желанья,
Которыя такъ скромно раздѣляютъ
Юдоль червей!

Каинъ.

А ты,—ты раздѣляешь
Обители съ безсмертными,—ты развѣ
Не кажешься печальнымъ?

Люциферъ.

Я печаленъ.
Итакъ, скажи: ты хочешь быть безсмертнымъ?

Каинъ.

Ты говоришь, что я имъ *долженъ* быть.
Я этого не зналъ еще, но если
Должно такъ быть, то я хочу извѣдать
Безсмертіе заранѣ.

Люциферъ.

Ты извѣдалъ.

Каинъ.

Когда и какъ?

Люциферъ.

Страдая.

Каинъ.

Но страданья
Должны быть вѣчны?

Люциферъ.

Это мы узнаемъ,—
Мы и твои потомки. Но взгляни:
Какъ все полно величія!

Каинъ.

О, дивный,
Невыразимо дивный міръ! И вы,

Несмѣтная, растущія безъ мѣры
Громады звѣздъ! Скажите: что такое
И сами вы, и эта голубая
Безбрежная воздушная пустыня,
Гдѣ кружитесь вы въ бѣшеномъ весельи,
Какъ листья вдоль прозрачныхъ рѣкъ Эдема?
Исчислены ль пути для васъ? Иль вы
Стремитесь въ даль, сжимающую душу
Своею безконечностью, свободно?
Творецъ! Творцы! Иль я не знаю—кто!
Какъ дивны вы и какъ прекрасны ваши
Созданія! Пусть я умру, какъ атомъ,—
Быть можетъ, умираетъ онъ!—иль ваше
Величіе постигну! Мысль моя
Достойна васъ, хоть прахъ и недостойнъ.
Духъ! Дай мнѣ умереть, иль покажи
Мнѣ ближе ихъ.

Люциферъ.

Ты развѣ къ нимъ не близокъ?
Взгляни на землю.

Клинь.

Гдѣ она? Я вижу
Лишь сонмы звѣздъ.

Люциферъ.

Гляди сюда.

Клинь.

Не вижу.

Люциферъ.

Но пригляди: она еще мерцаетъ.

Клинь.

Вонъ тамъ?

Люциферъ.

Да, тамъ.

Клинь.

Возможно ли? Я видѣлъ
Ночной порой въ лугахъ и въ темныхъ рощахъ
Свѣтящихъ мухъ: онѣ сверкали ярче,
Чѣмъ этотъ міръ, который ихъ питаетъ.

Люциферъ.

Ты видѣлъ и міры, и свѣтляковъ—
Тѣ и другіе искрятся—что жъ скажешь
Ты мнѣ о нихъ?

К а и н ъ.

Скажу, что и міры
И свѣтляки, по-своему, прекрасны,
И что полеть ночной ничтожной мушки,
И мощный бѣгъ безсмертнаго свѣтила
Равно руководимы...

Люциферъ.

Кѣмъ?

К а и н ъ.

Открой мнѣ.

Люциферъ.

И ты взглянуть дерзнулъ бы?

К а и н ъ.

Какъ мнѣ знать,
На что взглянуть дерзну я? Ты пока
Не показалъ мнѣ ничего такого,
Чтобъ не дерзнулъ я бѣльшаго увидѣть.

Люциферъ.

Къ чему тебя влекло всего сильнѣе?

К а и н ъ.

Къ тому, чего я никогда не вѣдалъ
И вѣдать бы не долженъ—къ тайнѣ смерти.

Люциферъ.

Я покажу отжившихъ и умершихъ,
Какъ показалъ безсмерныхъ.

К а и н ъ.

Покажи.

Люциферъ.

Тогда впередъ на нашихъ мощныхъ крыльяхъ!

К а и н ъ.

О, какъ мы разсѣаемъ воздухъ! Звѣзды
Скрываются отъ нашихъ глазъ! Земля!

Гдѣ ты, земля? Дай мнѣ взглянуть на землю,
Я сынъ ея.

Люциферъ.

Земли уже не видно.
Предъ вѣчностью она гораздо меньше,
Чѣмъ ты предъ ней. Но ты съ землею связанъ
И скоро къ ней вернешься. Прахъ земной
Часть нашего безсмертія.

Кайнъ.

Куда же
Лежитъ нашъ путь?

Люциферъ.

Къ тому, что только призракъ
Былыхъ міровъ, земля же ихъ обломокъ.

Кайнъ.

Такъ міръ не новъ?

Люциферъ.

Не болѣе, чѣмъ жизнь.
А жизнь древнѣй, чѣмъ ты, чѣмъ я, и даже

Древнѣй того, что выше насъ съ тобою.
Есть многое, что никогда не будетъ
Имѣть конца; а то, что домогалось
Считаться неизмѣющимъ начала,
Имѣетъ столь же низкое, какъ ты;
И многое великое погибло,
Чтобъ мѣсто дать ничтожному, — такому,
Что и помыслить трудно: ибо въ мірѣ
Лишь время и пространство неизмѣнны.
Хотя и перемѣны только праху
Приносятъ смерть. Ты — прахъ, ты не постигнешь
Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахомъ.

Кайнъ.

Только прахомъ!
Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Люциферъ.

Тогда — впередъ!

Кайнъ.

Какъ быстро меркнутъ звѣзды!
А вѣдъ онѣ казались мнѣ мірами,
Когда мы приближались къ нимъ.

Люциферъ.

Онѣ
И есть міры.

Каинъ.

И есть на нихъ эдемы?

Люциферъ.

Быть можетъ, есть.

Каинъ.

И люди?

Люциферъ.

Есть и люди.
Иль существа, что выше ихъ.

Каинъ.

И зміи?

Люциферъ.

Разъ люди есть—какъ имъ не быть? И развѣ
Дышать должны ходячія лишь твари?

Каинъ.

Какъ быстро меркнутъ звѣзды вслѣдъ за нами!
Куда летимъ мы?

Люциферъ.

Къ міру привидѣній,
Существовъ, еще не жившихъ и отжившихъ.

Каинъ.

Но мракъ растетъ—всѣ звѣзды ужъ исчезли.

Люциферъ.

Но ты, однако, видишь.

Каинъ.

Жуткій сумракъ!
Ни яркихъ звѣздъ, ни солнца, ни луны,

И все же въ этомъ сумракѣ я вижу
Какія-то угрюмыя громады,
Но только не похоя на тѣ,
Которыя свѣтились въ пространствѣ
Своими ореолами и были,
Какъ мнѣ тогда казалось, полны жизни.
На тѣхъ, сквозь ихъ сіяніе, я видѣлъ
Глубокія долины, выси горъ
И водныя безбрежныя равнины;
Вкругъ тѣхъ сіяли огненныя кольца
И диски лунъ, напоминая землю;
А здѣсь все страшно, сумрачно!

Люциферъ.

Но ясно.
Ты ищешь смерть увидѣть и умершихъ?

Каинъ.

Разъ грѣхъ Адама предалъ всѣхъ насъ смерти,
То я хочу заранѣе увидѣть
То, что мы всѣ увидимъ поневолю
Когда-нибудь.

Люциферъ.

Смотри.

Каинъ.

Повсюду мракъ!

Люциферъ.

И *вѣчный* мракъ: но мы съ тобой раскроемъ
Врата его.

Каинъ.

Гигантскими клубами
Катится паръ—откуда онъ?

Люциферъ.

Войди.

Каинъ.

Вернусь ли я?

Люциферъ.

Не сомнѣвайся въ этомъ.
Вѣдь кто наполнить долженъ царство смерти?
Ты и твой родъ. Оно еще такъ пусто
Въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ будетъ.

К а и н ь.

Все шире разступаются предъ нами,
Кругами обвивая насъ.

Облака

Люциферъ

Входи.

К а и н ь.

А ты?

Люциферъ.

Входи. Ты безъ меня не могъ бы
Проникнуть въ царство призраковъ. Смѣлѣе!
Исчезаютъ въ облакахъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Царство смерти.

Люциферъ и Каинъ.

К а и н ь.

Какъ молчаливъ, какъ необъятенъ этотъ
Угрюмый мѣръ! Онъ населенъ обильнѣй,

Чѣмъ даже тѣ горящія громады,
Которыя въ воздушныхъ безднахъ блещутъ
Въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что я
Сперва считалъ ихъ за какихъ-то свѣтлыхъ
Небесныхъ обитателей. Но какъ
Здѣсь сумрачно, какъ все напоминаетъ
Угасшій день!

Люциферъ.

Здѣсь царство смерти. Хочешь
Увидѣть смерть?

К а и н ь.

Я не могу отвѣтить,
Не вѣдая, что значить смерть. Но если
Отецъ мой правъ... О, Боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклятъ тотъ, кто далъ
Мнѣ бытіе, ведущее лишь къ смерти!

Люциферъ.

Ты проклинаешь мать, отца?

К а и н ь.

Но развѣ
Они меня не прокляли, дерзнувши
Вкусить отъ древа знанія?

Люциферъ.

Ты правъ:
Межъ вами обоюдное проклятье.
Но твой Энохъ, твой братъ?

Каинъ.

Они должны
Дѣлить мое проклятіе со мною,
Родителемъ и братомъ ихъ. Что принялъ
Въ наслѣдство самъ, то имъ и завѣщаю.
О, безконечный и угрюмый міръ
Скользящихъ тѣней, призраковъ-гигантовъ,
То явственныхъ, то смутныхъ, но всегда
Печальныхъ и величественныхъ,—что ты?
Жизнь или смерть?

Люциферъ.

И жизнь, и смерть.

Каинъ.

Но что же
Когда есть смерть?

Люциферъ.

А развѣ не сказалъ вамъ
Создатель вашъ, что смерть—другая жизнь?

Каинъ.

Мы отъ него пока одно узнали—
Что мы умремъ.

Люциферъ.

Придетъ, быть можетъ, день,
Когда онъ вамъ раскроетъ тайну эту.

Каинъ.

Счастливыя днѣ!

Люциферъ.

О, да! Вѣдь эта тайна
Откроется въ невыразимыхъ мукахъ,
Соединенныхъ съ вѣчной адскою мукой,
Еще не нарожденнымъ, что родятся
Лишь для нея—для этой вѣчной муки.

Каинъ.

Какъ величавы тѣни, что витаютъ
Вокругъ меня! Въ нихъ незамѣтно сходства
Ни съ духами, которыхъ видѣлъ я
На стражѣ заповѣдныхъ вратъ Эдема,

Ни съ смертными—съ моимъ отцомъ и братомъ,
Со мной самимъ, съ моей сестрой, съ женою,
А между тѣмъ, отличные отъ духовъ
И отъ людей своимъ непостижимымъ,
Невиданнымъ мной обликомъ, они,
Безплотнымъ уступая, превышаютъ
Людей и красотой горделивой,
И мощью, и величіемъ. У нихъ
Нѣтъ крыльевъ, какъ у ангеловъ, нѣтъ лика,
Какъ у людей, нѣтъ мощныхъ формъ животныхъ,
Нѣтъ ничего подобнаго тому,
Что видѣлъ я; они въ себѣ вмѣщаютъ
Всю красоту прекраснѣйшихъ, сильнѣйшихъ
Земныхъ существъ, но такъ не схожи съ ними,
Что я не знаю—были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

Люциферъ.

Когда-то были.

Каинъ.

Были? Гдѣ?

Люциферъ.

Гдѣ ты

Живешь.

Каинъ.

Когда?

Люциферъ.

Когда владѣли міромъ,
Который называешь ты землей.

Каинъ.

Но въ этомъ мірѣ первый—мой родитель.

Люциферъ.

Изъ васъ онъ, правда, первый, но изъ нихъ
Онъ даже не достоинъ быть послѣднимъ.

Каинъ.

А кто они?

Люциферъ.

Они есть то, чѣмъ будутъ
Всѣ смертные.

К а и н ъ.

А были чѣмъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Живыми,
Великими, разумными,—во всемъ
Настолько превышавшими Адама,
Насколько сынъ Адама превышаетъ
Своихъ потомковъ будущихъ.

К а и н ъ.

Увы!
И всѣ они погибли, всѣ исчезли
Съ лица земли?

Л ю ц и ф е р ъ.

Съ лица *своей* земли,
Какъ нѣкогда и ты съ *своей* исчезнешь.

К а и н ъ.

Но ты сказалъ, что прежде ихъ землею
Была моя?

Л ю ц и ф е р ъ.

Была.

К а и н ъ.

Но измѣнилась.
Моя земля для нихъ была бы слишкомъ
Ничтожна.

Л ю ц и ф е р ъ.

Да, она при нихъ была
Прекраснѣе.

К а и н ъ.

И почему такъ пала?

Л ю ц и ф е р ъ.

Спроси Его.

К а и н ъ.

Но какъ Онъ это сдѣлалъ?

Люциферъ.

Смѣшеніемъ стихій, преобразившихъ
Лицо земли. Но дальше,—созерцай
Минувшее.

Каинъ.

Минувшее ужасно!

Люциферъ.

Но истинно. Смотри на эти тѣни:
Онѣ когда-то жили и дышали,
Какъ ты теперь.

Каинъ.

И нѣкогда я буду
Подобенъ имъ?

Люциферъ.

На это пусть отвѣтитъ
Создатель вашъ. Я показаль, чѣмъ стали
Предшественники ваши. Созерцай ихъ,
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись къ землѣ, къ своимъ трудамъ: ты будешь
Перенесенъ на землю невредимо.

Каинъ.

Я здѣсь останусь.

Люциферъ.

Надолго?

Каинъ.

Навѣки.

Я все равно сюда вернуться долженъ,
Мнѣ тяжело жить на землѣ: такъ лучше
Остаться здѣсь.

Люциферъ.

Но это невозможно:

Миръ призраковъ—дѣйствительность, а ты
Теперь ихъ созерцаешь, какъ видѣнье.
Чтобъ раздѣлить обитель ихъ, ты долженъ
Войти сюда вратами смерти—такъ же,
Какъ и они.

Каинъ.

Какими же вратами
Входили мы?

Люциферъ.

Моими. Ты на землю
Вернуться долженъ; въ царствѣ бездыханныхъ
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться въ немъ, пока твой часъ не пробилъ.

Кайнъ.

А вотъ они,—скажи, они не могутъ
На землю возвратиться?

Люциферъ.

Ихъ земля
Прошла навѣки: бурныя стихіи
Лицо земли такъ рѣзко измѣнили,
Что на ея поверхности теперь
Едва-ль найдется атомъ, имъ знакомый.
А это былъ прекрасный,—о, какой
Прекрасный міръ!

Кайнъ.

Онъ и теперь прекрасенъ.
Я не съ землей, хотя на ней тружусь я,
Веду вражду, а съ тѣмъ, что я беру
Все, что она прекраснаго приноситъ,
Цѣной труда, что, жажда познанья,
Не въ силахъ этой жажды утолить,

Что на землѣ меня приводитъ въ трепетъ
И жизнь и смерть.

Люциферъ.

Чѣмъ сталъ твой міръ, ты видишь,
Но чѣмъ онъ былъ—не можешь и постигнуть.

Кайнъ.

А это кто? Вотъ эти исполины,
Которые, мнѣ кажется, похожи
На дикихъ обитателей дремучихъ
Земныхъ лѣсовъ, но только въ десять разъ
Громаднѣй и страшнѣе тѣхъ, громаднѣй,
Чѣмъ стѣны Рая,—эти привидѣнья,
Чьи очи пламенѣютъ, какъ мечи
Въ десницахъ херувимовъ, стерегущихъ
Эдемскій садъ, и чьи клыки торчатъ,
Какъ голыя деревья?

Люциферъ.

Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Такихъ существъ лежатъ въ землѣ.

Кайнъ.

И больше
Ужъ нѣтъ такихъ?

Люциферъ.

Нѣтъ; если бѣ вамъ пришлось
Вступить въ борьбу съ такими существами,
То вы могли бы сдѣлать бесполезнымъ
Проклятiе, висящее надъ вами:
Такъ скоро вы погибли бы.

Каинъ.

Но развѣ
Борьба необходима?

Люциферъ.

Ты забылъ
Завѣтъ того, кто васъ изгналъ изъ Рая:
„Борьба со всѣмъ, что дышитъ, смерть всему,
И всѣмъ болѣзни, скорби и мученья“—
Плодь древа запрещеннаго.

Каинъ.

Но звѣри—
Они вѣдь не касались древа знанья?

Люциферъ.

Вашъ Богъ сказалъ, что создалъ ихъ для смертныхъ,
А смертныхъ—для создавшаго. Вы развѣ

Хотѣли бы, чтобъ участь ихъ была
Счастливейше, чѣмъ ваша? Грѣхъ Адама
Всѣхъ погубилъ.

Каинъ.

Несчастные! Имъ тоже,
Какъ и сынамъ Адама, суждено
Страдать за грѣхъ, не ими совершенный,
За райскiй плодь, который не далъ знанья,
А далъ лишь смерть. Онъ оказался лживымъ,
Мы ничего не знаемъ. Онъ сулилъ
Намъ знанiе—ужасною цѣною,
Но знанiе; а что же знаемъ мы?

Люциферъ.

Быть можетъ, смерть дастъ высшее познанье:
Вѣдь только смерть для смертныхъ несомнѣнна
И, значитъ, къ несомнѣнному приводитъ.
Нѣтъ, ты неправъ,—запретный плодь не лживъ,
Хотя и смертоносенъ.

Каинъ.

Непонятный,
Угрюмый мiръ!

Люциферъ.

Твой часъ еще не пробилъ.
Матерія не можетъ въ совершенствѣ
Постигнуть духа. Все же ты узналъ,
Что есть міры такіе.

К а и н ъ.

Я и прежде
О смерти зналъ.

Люциферъ.

Но не о царствѣ смерти.

К а и н ъ.

Оно мнѣ непонятно.

Люциферъ.

Будетъ день,
Когда оно тебѣ понятнѣй станетъ.

К а и н ъ.

А это безграничное пространство
Текучей ослѣпительной лазури,

Которое сравнилъ бы я съ водой,
Съ рѣкою, проходящей изъ Эдема
Близъ нашего жилища, если бъ только
Не эта безграничность, безпредѣльность,
Не этотъ цвѣтъ небесный,—это что?

Люциферъ.

И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на землѣ,
И на его побережьяхъ поселятся
Твои потомки: призракъ океана.

К а и н ъ.

Оно горитъ, какъ солнце,—цѣлый міръ
Лазурныхъ водъ! Но въ этомъ яркомъ блескѣ
Я различилъ играющихъ чудовищъ:
Что это?

Люциферъ.

Призраки левиаановъ.

К а и н ъ.

А этотъ непомерно-длинный змѣй
Съ струящеюся гривой, что воздвигнулъ
Чудовищную голову изъ бездны

И въ десять разъ превысилъ высочайшій
Эдемскій кедръ,—вотъ этотъ змѣй, что могъ бы
Обвиться вокругъ небесныхъ тѣлъ,—похожъ ли
Онъ на того, что нѣжился когда-то
Подъ деревомъ въ Эдемѣ?

Люциферъ.

Евѣ лучше
Извѣстенъ змѣй, ее прельстившій.

Каинъ.

Этотъ
Ужасенъ слишкомъ. Вѣрно, искунитель
Красивѣй былъ.

Люциферъ.

А ты его не видѣлъ?

Каинъ.

Я гадовъ много видѣлъ, но того,
Что Евѣ далъ запретный плодъ,—ни разу.

Люциферъ.

И твой отецъ его не видѣлъ?

Каинъ.

Нѣтъ;

Вѣдь мой отецъ былъ соблазненъ не змѣемъ:
Змѣй соблазнилъ лишь Еву.

Люциферъ.

О, невинность!

Когда тебя или сыновъ твоихъ
Смущаютъ жены чѣмъ-нибудь, что ново
И необычно, знай, что предъ тобой—
Самъ искунитель.

Каинъ.

Слишкомъ запоздали.

Твои совѣты: змѣямъ больше нечѣмъ
Женъ искушать.

Люциферъ.

Но есть еще не мало
Такихъ вещей, которыми и жены
Своихъ мужей, и женъ мужа способны
Вводить въ соблазнъ: вамъ это надо помнить.
Я вамъ добра желаю, предлагая
Подобные совѣты,—я даю ихъ
Въ ущербъ себѣ... Хоть правда, что не будутъ
Имъ слѣдовать.

К а и н ъ.

Мнѣ это непонятно.

Л ю ц и ф е р ъ.

И къ лучшему! Твой міръ и ты такъ юны!
Ты мнишь себя преступнымъ и несчастнымъ—
Не правда ли?

К а и н ъ.

Преступнымъ—нѣтъ, но скорби
Я испыталъ не мало.

Л ю ц и ф е р ъ.

Первородный
Сынъ перваго изъ смертныхъ! Твой удѣлъ—
Жить во грѣхѣ и скорби, но Эдемомъ
Покажутся тебѣ твои несчастья
Въ сравненьи съ тѣмъ, что ты узнаешь вскорѣ,
А то, что *ты* узнаешь, будетъ раемъ
Въ сравненьи съ тѣмъ, что испытать должны
Твои сыны.—Но намъ пора на землю.

К а и н ъ.

Ужели ты привелъ меня сюда
Лишь для того, чтобъ показать мнѣ это?

Л ю ц и ф е р ъ.

Не ты ли жаждалъ знанія?

К а и н ъ.

О, да,
Но лишь затѣмъ, чтобъ знаніе служило
Дорогой къ счастью.

Л ю ц и ф е р ъ.

Если счастье въ знаньи,
То ты ужъ счастливъ.

К а и н ъ.

Правъ же былъ Творецъ,
Велѣвшій не касаться древа знанья!

Л ю ц и ф е р ъ.

А если бы губительнаго древа
Не насаждалъ, еще бы лучше сдѣлалъ.
Однако, и невѣдѣніе зла
Отъ зла не ограждаетъ. Зло всеильно.

К а и н ъ.

Я этому не вѣрю, нѣтъ! Я жажду
Душой добра!

Люциферъ.

А кто его не жаждетъ?
Кто *любитъ* зло? Никто, ничто.

К а и н ъ.

Но въ эти
Несмѣтные и дивные міры,
Которые мы видѣли съ тобою,
Пока не погрузились въ царство смерти,
Не увидеть зло: такъ всё они прекрасны!

Люциферъ.

Ты видѣлъ ихъ лишь издали.

К а и н ъ.

Но даль
Могла лишь уменьшать ихъ красоту:
Вблизи ихъ красота неизреченна.

Люциферъ.

Но подойди къ прекраснѣйшему въ мірѣ
И приглядиись къ нему.

К а и н ъ.

Я это дѣлалъ:
Вблизи оно еще прелестнѣй.

Люциферъ.

Нѣтъ,
Тутъ есть обманъ. Скажи, о комъ ты думалъ?

К а и н ъ.

Я думалъ о сестрѣ моей. Всѣ звѣзды.
Вся красота ночныхъ небесъ, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блескъ разсвѣта.
Вся дивная плѣнительность заката.
Когда, слѣдя за уходящимъ солнцемъ,
Я проливаю сладостныя слезы
И, мнися, вмѣстѣ съ солнцемъ утопаю
Въ раю вечернихъ легкихъ облаковъ,
И сѣнь лѣсовъ, и зелень ихъ, и голось
Вечернихъ птицъ, покоющій про любовь,
Сливающійся съ гимномъ херувимовъ,
Межъ тѣмъ, какъ тьма ужъ рѣветъ надъ Эдемомъ,

Все, все—ничто предъ красотою Ады:
Чтобъ созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои отъ неба и земли.

Люциферъ.

Но если ты владѣешь существомъ
Столь дивной красоты, то почему
Несчастенъ ты?

Каинъ.

Зачѣмъ я существую?

И почему несчастенъ ты, и все,
Что существуетъ въ мірѣ, все несчастно?
Вѣдь даже тотъ, кто создалъ всѣхъ несчастныхъ,
Не можетъ быть счастливымъ: созидать,
Чтобъ разрушать—печальный трудъ! Родитель
Намъ говоритъ: Онъ всемогущъ,—зачѣмъ же
Есть въ мірѣ зло? Объ этомъ много разъ
Я спрашивалъ отца, и онъ отвѣтилъ,
Что это зло—лишь путь къ добру. Ужасный
И странный путь! Я видѣлъ, какъ ягненка
Ужалилъ гадъ: онъ извивался въ мукахъ,
А подлѣ matka жалобно блеяла;
Тогда отецъ нарвалъ и положилъ
Какихъ-то травъ на рану, и ягненокъ,
До этого безпомощный и жалкій,
Сталъ возвращаться къ жизни понемногу
И скоро ужъ безопасно припадалъ

Къ сосцамъ своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.
Смотри, мой сынъ, сказалъ Адамъ, какъ зло
Родить добро.

Люциферъ.

Что жъ ты ему отвѣтилъ?

Каинъ.

Я промолчалъ,—вѣдь онъ отецъ мой,—только
Тогда жъ подумалъ: лучше бы ягненку
Совсѣмъ не быть ужаленнымъ змѣею,
Чѣмъ возвратиться къ жизни, столь короткой,
Цѣною мукъ.

Люциферъ.

Но ты сказалъ, что ты
Изъ всѣхъ существъ, тобой любимыхъ, любишь
Всего сильнѣе ту, что воспиталась
Съ тобой одною грудью и питается
Своей—твоихъ малютокъ.

Каинъ.

Да, сказалъ:

Чѣмъ былъ бы я безъ Ады?

Люциферъ.

Тѣмъ, чѣмъ я.

К а и н ъ.

Ты чуждъ любви.

Люциферъ.

А онъ, твой Богъ, что любить?

К а и н ъ.

Все сущее, какъ говорить отецъ;
Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люциферъ.

Поэтому не можешь и судить,
Чужда ли мнѣ любовь, или нѣтъ. Есть нѣчто
Великое и общее, въ которомъ
Все частное, какъ снѣгъ предъ солнцемъ, таетъ.

К а и н ъ.

Какъ снѣгъ—что это значить?

Люциферъ.

Будь доволенъ

Невѣдѣньемъ того, что испытаютъ
Сыны сыновъ твоихъ, и наслаждайся
Тепломъ небесъ, не знающихъ зимы.

К а и н ъ.

Но ты любилъ существъ, тебѣ подобныхъ?

Люциферъ.

А ты—ты любишь самого себя?

К а и н ъ.

Да, но не такъ, какъ ту, что украшаетъ
Мнѣ жизнь мою, что мнѣ дороже жизни,
Затѣмъ, что я люблю ее.

Люциферъ.

Ты любишь,
Плѣняясь красотой ея, какъ Ева
Плѣнилась райскимъ яблокомъ когда-то;
Но красота поблекнетъ—и любовь
Угаснетъ, какъ и всякое желанье.

К а и н ъ.

Но отчего жъ поблекнетъ красота?

Л ю ц и ф е р ъ.

Отъ времени.

К а и н ъ.

Но дни идутъ, проходятъ,
А Ева и Адамъ еще прекрасны,
Не такъ, какъ серафимы, какъ сестра,
Но все жъ прекрасны.

Л ю ц и ф е р ъ.

Время беспощадно
Измѣнитъ ихъ.

К а и н ъ.

Мнѣ это очень больно;
Но все жъ я не могу себѣ представить,
Что разлюблю когда-нибудь сестру,
И если красота ея поблекнетъ,
То, думаю, создатель красоты,
При гибели прекраснаго созданья,
Утратить долженъ болѣе, чѣмъ я.

Л ю ц и ф е р ъ.

Мнѣ жаль тебя: ты любишь то, что гибнетъ.

К а и н ъ.

Какъ мнѣ тебя: ты ничего не любишь.

Л ю ц и ф е р ъ.

А братъ—ты любишь брата?

К а и н ъ.

Да, люблю.

Л ю ц и ф е р ъ.

Его твой Богъ и твой отецъ такъ любятъ!

К а и н ъ.

И я люблю.

Л ю ц и ф е р ъ.

Похвально и смиренно!

К а и н ь.

Смиренно?

Люциферъ.

Да, вѣдь онъ не первородный,
И съ дѣтства былъ любимцемъ Евы.

К а и н ь.

Что жъ,
Змій первымъ былъ любимцемъ, онъ—вторымъ.

Люциферъ.

Онъ и отца любимецъ.

К а и н ь.

И объ этомъ
Я не скорблю. Какъ будто я не долженъ
Любить того, кого отецъ мой любить!

Люциферъ.

Но и Иегова, кроткій вашъ владыка,

Всецелый насадитель райскихъ кушъ,
На Авеля съ улыбкою взираеть.

К а и н ь.

Я не видалъ Иеговы и не знаю,
Пристойно ли Иеговѣ улыбаться.

Люциферъ.

Такъ ангеловъ Иеговы видишь.

К а и н ь.

Рѣдко.

Люциферъ.

И все-таки ты долженъ былъ замѣтить,
Что Авель имъ угоденъ: отъ него
Всѣ жертвы воспріемлются.

К а и н ь.

И пусть!
Зачѣмъ ты говоришь со мной объ этомъ?

Люциферъ.

Затѣмъ, что ты объ этомъ много думалъ.

К а и н ь.

А если бы и думалъ,—для чего
Будить во мнѣ...

Въ волненіи останавливается.

Духъ! Мы съ тобою—въ мірѣ,
Далекомъ отъ земли: не говори же
Мнѣ о землѣ. Ты показалъ мнѣ много
Чудеснаго; ты показалъ мнѣ мощныхъ
Предшественниковъ нашихъ, попиравшихъ
Ту землю, отъ которой уцѣлѣлъ
Одинъ обломокъ; ты мнѣ показалъ
Тьмы темъ міровъ, среди которыхъ тускло
Мерцаютъ нашъ ничтожный міръ, теряясь
Въ воздушной безконечности; ты тѣни
Въ зловѣщемъ царствѣ смерти показалъ мнѣ;
Ты много показалъ мнѣ—но не все:
Дай мнѣ узрѣть обители Иеговы,
Или свою обитель: гдѣ онѣ?

Люциферъ.

Здѣсь и вездѣ—въ пространствѣ безконечномъ.

К а и н ь.

Но есть же у тебя и у Иеговы
Какой-нибудь пріютъ опредѣленный?
Онъ есть у всѣхъ. Землей владѣютъ люди,
Въ другихъ мірахъ свое есть населенье,
У всѣхъ живыхъ созданій есть своя
Особая стихія; ты сказалъ мнѣ,
Что даже бездыханнымъ есть обитель,
Такъ, значить, есть и Богу, и тебѣ.
Вы вмѣстѣ обитаете?

Люциферъ.

Мы вмѣстѣ
Лишь царствуемъ; но обитаемъ порознь.

К а и н ь.

О, если бъ былъ одинъ изъ васъ! Быть можетъ,
Единство цѣли создало бъ согласие
Стихій, теперь враждующихъ! И что
Васъ привело къ такой враждѣ,—васъ, мудрыхъ
И безконечныхъ? Развѣ вы не братья
По сущности, по естеству и славѣ?

Люциферъ.

А вы—вы братья съ Авелемъ?

К а и н ъ.

Мы братья,
И братьями останемся. Но если бъ
И не были мы братьями: духъ развѣ
Подобенъ намъ? Какъ можетъ враждовать
Безсмертный съ безконечнымъ, превращая
Весь міръ въ обитель скорби? И за что?

Л ю ц и ф е р ъ.

За власть.

К а и н ъ.

За власть? Но ты мнѣ говорилъ
Что оба вы безсмертны.

Л ю ц и ф е р ъ.

Да, безсмертны.

К а и н ъ.

А голубая бездна безднъ пространства
Не безконечна развѣ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Безконечна.

К а и н ъ.

Такъ царствуйте въ ней оба, не враждуя.
Иль тѣсно вамъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Мы царствуемъ въ ней *оба*.

К а и н ъ.

Но зло творить—одинъ изъ васъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Который?

К а и н ъ.

Ты! Развѣ ты не можешь на землѣ
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Люциферъ.

Пусть онъ творить. Вы не мои созданья,
Онъ создалъ васъ.

Каинъ.

Такъ предоставь отцу
Его дѣтей, имъ созданныхъ. Открой мнѣ
Свою или *его* обитель.

Люциферъ.

Я могу
Открыть тебѣ ихъ обѣ. Но настанетъ
Великій часъ, когда одна изъ нихъ
Откроется *навѣки* предъ тобою.

Каинъ.

Но не теперь?

Люциферъ.

Твой смертный умъ не въ силахъ
Постигнуть даже малаго—того,
Что видѣлъ ты. И ты стремишься къ Тайнѣ!
Къ великой ипостаси Двухъ Началь!

Къ ихъ сокровеннымъ тронамъ! Прахъ! Ты дерзокъ.
Но зрѣть хотя одно изъ нихъ—есть смерть.

Каинъ.

Пусть я умру—но только бы узрѣть ихъ!

Люциферъ.

Рѣчь сына той, что обольстилась змиемъ!
Но эта смерть—безплодной смертью будетъ.

Каинъ.

Но развѣ смерть ихъ не откроетъ?

Люциферъ.

Преддверіе.

Смерть—

Каинъ.

Такъ, значитъ, смерть приводитъ
Къ чему-нибудь разумному! Теперь
Я менѣ боюсь ея.

Люциферъ.

И, значить,
Тебѣ пора на землю возвратиться,
Гдѣ долженъ ты умножить родъ Адама,
Бѣсть, пить, любить, дрожать за жизнь, работать,
Смѣяться, плакать, спать—и умереть.

К а и н ъ.

Но если такъ, скажи, съ какою цѣлью
Блуждали мы?

Л ю ц и ф е р ъ.

Но ты стремился къ знанью;
А все, что я открылъ тебѣ, вѣщаетъ:
Познай себя.

К а и н ъ.

Увы! Я познаю,
Что я—ничто.

Л ю ц и ф е р ъ.

И это непреложный
Итогъ людскихъ познаній. Завѣщай

Свой опытъ дѣтямъ,—это ихъ избавить
Отъ многихъ мукъ.

К а и н ъ.

Высокомѣрный духъ!
Ты властенъ, да; но есть и надъ тобою
Владыка.

Л ю ц и ф е р ъ.

Нѣтъ! Клянуся небомъ, гдѣ
Лишь *онъ* царить! Клянуся бездной, сонмомъ
Мировъ и жизнью, *намъ* подвластныхъ,—нѣтъ!
Онъ побѣдитель мой—но не владыка,
Весь міръ предъ нимъ трепещетъ,—но не я:
Я съ нимъ въ борьбѣ, какъ былъ въ борьбѣ и прежде,
На небесахъ. И не устану вѣчно
Бороться съ нимъ, и на вѣсахъ борьбы
За міромъ міръ, свѣтило за свѣтиломъ,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нешадная борьба,
Доколѣ не погибнетъ Адонаи,
Иль врагъ его! Но развѣ это будетъ?
Какъ угасить безсмертіе и нашу
Неугасимую взаимную вражду?
Онъ побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ имъ,
Тотъ названъ зломъ; но благъ ли побѣдившій?
Когда бы *мнѣ* досталася побѣда,

Зломъ былъ бы онъ. Вотъ васъ, еще недавно
Пришедшихъ въ міръ, еще столь юныхъ смертныхъ,
Какими одарилъ онъ васъ дарами?

К а и н ъ.

Немногими—и горькими.

Л ю ц и ф е р ъ.

Вернись же
Къ своей землѣ, вкуси и остальныхъ
Его небесныхъ милостей. Даятель
Добра и зла не создалъ ихъ такими.
Добро и зло суть сами по себѣ.
Но, если онъ даетъ добро,—зовите
Его благимъ; а если отъ него
Исходитъ зло, то изыщите вѣрный
Источникъ зла,—не говорите: это
Свершилъ злой духъ. Одинъ лишь добрый даръ
Дало вамъ древо знанія—вашъ разумъ:
Такъ пусть онъ не трепещетъ грозныхъ словъ
Тирана, принуждающаго вѣрить,
Наперекоръ и чувству и разсудку.
Терпи и мысли—созидай въ себѣ
Міръ внутренній, чтобъ внѣшняго не видѣть:
Сломи въ себѣ земное естество
И пріобщишься духовному началу!

Исчезаютъ.

А К Т Ъ Т Р Е Т І Й.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ Эдема.

Каинъ и Ада.

А д а.

Иди тихонько, Каинъ.

К а и н ъ.

Хорошо;

Но почему?

А д а.

Вонъ тамъ подъ кипарисомъ
Спитъ на листьѣ нашъ мальчикъ.

К а и н ъ.

Кипарисъ!

Угрюмый онъ, зачѣмъ ты положила
Подъ нимъ дитя? Онъ смотритъ такъ, какъ будто
Оплакиваетъ то, что осѣняетъ.

А д а.

Но онъ вѣтвистъ, подъ нимъ темно, какъ ночью.
Онъ точно созданъ, чтобы охранять
Отъ зноя спящихъ.

К а и н ъ.

Спящихъ сномъ послѣднимъ
И вѣчнымъ. Но веди меня къ Эноху.

Подходятъ къ ребенку.

Какъ онъ красивъ! Какъ разгорѣлись щечки!
Румянецъ ихъ не уступаетъ розамъ,
Разсыпаннымъ подъ нимъ.

А д а.

А посмотри,
Какъ хорошо полуоткрылъ онъ губки!
Нѣтъ, не цѣлуй; онъ скоро самъ проснется,
Онъ выспался, но жаль будить!

К а и н ъ.

Да, правда,
Я удержусь пока отъ искушенья.
Онъ спитъ и улыбается! Спи мирно

И улыбайся, маленькій наследникъ
Земли такой же юной, какъ ты самъ!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывалъ запретнаго плода,
Не знаешь наготы своей. Настанетъ
И для тебя часъ кары за какой-то
Тяжелый грѣхъ, котораго ни ты,
Ни я не совершали; но куда
Спи безмятежно! Щечки раскраснѣлись,
Изъ-подъ рѣсницъ трепещущихъ и темныхъ,
Какъ кипарисъ, колеблемый надъ нимъ,
Просвѣчиваетъ ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спитъ и грезить—
О чемъ? О Раѣ!—Грезь о немъ, мечтай,
Мой мальчикъ обездоленный! Онъ—грѣза:
Ужъ никогда и никому изъ смертныхъ
Не быть въ его обители блаженной!

А д а.

Не сѣтуй, милый Каинъ, не тоскуй
О прошломъ надъ малюткою! Что пользы
Весь вѣкъ Эдемъ оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

К а и н ъ.

Гдѣ?

А д а.

Гдѣ хочешь:
Разъ ты со мной—я счастлива безъ Рая.
Иль у меня нѣтъ мужа, нѣтъ малютокъ,
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многимъ
Обязаны—помимо жизни?

К а и н ъ.

Смертью
Мы тоже ей обязаны.

А д а.

О, Каинъ!
Тотъ гордый духъ, съ которымъ ты ходилъ,
Тебя еще сильнѣе опечалилъ.
Я думала, что дивныя видѣнья,
Которыя тебѣ онъ общалъ,
Тьмы темъ міровъ отжившихъ и живущихъ,
Которые ты видѣлъ, успокоятъ,
Насытятъ умъ твой знаніемъ; но вижу,
Что духъ принесъ одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Такъ скоро къ намъ.

К а и н ъ.

Такъ скоро?

А д а.

Да, прошло
Лишь два часа съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,
Лишь два часа—по солнцу.

К а и н ъ.

Я вблизи
Смотрѣлъ на это солнце, созерцалъ
Міры, что озарялись имъ когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И тѣ міры, что солнечнаго свѣта
Не вѣдали отъ вѣка: мнѣ казалось,
Что протекли года.

А д а.

Едва часы.

К а и н ъ.

Такъ, значить, духъ нашъ время измѣряетъ
Тѣмъ, что онъ видитъ: радость или скорбь,

Величье иль ничтожество; я видѣлъ
Дѣянiя Безсмертныхъ, созерцалъ
Угасшiя свѣтила и, взирая
На вѣчное, участвовалъ, казалось,
И самъ въ его величii: теперь
Я снова—прахъ, и снова понимаю
Что я—ничто: духъ истину сказалъ мнѣ.

А д а.

Нѣтъ, духъ сказалъ неправду. Самъ Иегова
Не говорилъ намъ этого.

К а и н ъ.

Но создалъ
Ничтожествомъ; онъ поманилъ насъ Раемъ,
Безсмертиемъ, но сотворилъ изъ праха
И въ прахъ вернуть—скажи, за что?

А д а.

Ты знаешь,
За грѣхъ отца.

К а и н ъ.

А мы—въ чемъ *мы* виновны?
Онъ согрѣшилъ, пусть *онъ* и умираетъ.

А д а.

Нехорошо сказалъ ты; это мысли
Того, кто былъ съ тобой, а не твои.
Я умереть готова—лишь бы жили
Отецъ и мать.

К а и н ъ.

Да,—если бъ можно было
Насытить этой жертвой Ненасытность,
И если бъ этотъ мирно спящiй крошка
И тѣ, что отъ него произойдутъ,
Не испытали смерти и страданiй.

А д а.

Какъ знать, не будетъ ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасенъ весь родъ Адама?

К а и н ъ.

Искупленье!
Но въ чемъ мы виноваты? Почему
Я долженъ пасть за грѣхъ, не мной свершенный,
Иль отъ другого жертвы ждать за этотъ
Таинственный и безыменный грѣхъ,
Весь состоявшiй только въ жадѣ знанья?

А д а.

Увы! Ты говоришь, что ты не грѣшешь,
А самъ грѣшишь: твои слова—кошунство.

К а и н ъ.

Тогда, оставь меня.

А д а.

О, никогда,
Хотя бы самъ Творецъ тебя оставилъ!

К а и н ъ.

А это что такое?

А д а.

Алтари,
Воздвигнутые Авелемъ. Онъ хочетъ
Свершить съ тобою жертву.

К а и н ъ.

Алтари!
А кто ему сказалъ, что я согласенъ

Дѣлать его корыстныя молитвы,
Въ которыхъ вовсе нѣтъ благоговѣнья,
А есть лишь страхъ? Мнѣ алтаря не нужно,
Мнѣ нечего сжигать на немъ.

А д а.

Но Богу
Всякъ даръ угоденъ, если этотъ даръ
Приносится съ душевнымъ сокрушеньемъ
И кротостью: сожги цвѣты, плоды...

К а и н ъ.

Я сѣялъ, рылъ, я былъ въ поту, согласно
Проклятію; но что еще мнѣ дѣлать?
Смираннымъ быть—среди борьбы съ стихіей
За мой насущный хлѣбъ? Быть благодарнымъ
За то, что я во прахѣ пресмыкаюсь,
Зане я прахъ и возвращусь во прахъ?
Что я? Ничто. И я за это долженъ
Ханжею быть и дѣлать видъ, что очень
Доволенъ мукой? Каяться—но въ чемъ?
Въ грѣхѣ отца? Но этотъ грѣхъ давно ужъ
Искупленъ тѣмъ, что претерпѣли мы,
И выше всякой мѣры искупится
Вѣками мукъ, предсказанныхъ въ проклятіи.
Онъ сладко спитъ, мой мальчикъ, и не знаетъ,
Что въ немъ *одномъ*—зачатки вѣчной скорби
Для *миriadъ* сыновъ его! О, лучше бъ

Схватить его и раздробить о камни,
Чѣмъ дать ему...

А д а.

Мой Богъ! Не тронь дитя—
Мое дитя! *Твое* дитя! О, Каинъ!

К а и н ъ.

Не бойся! За небесныя свѣтила,
За власть надъ ними, я не потревожу
Ничѣмъ малютку, кромѣ поцѣлуя.

А д а.

Но рѣчь твоя ужасна!

К а и н ъ.

Я сказалъ,
Что лучше умереть, чѣмъ жить въ мученьяхъ
И завѣщать ихъ дѣтямъ! Если жъ это
Тебя пугаетъ, скажемъ мягче: лучше бѣ
Ему совсѣмъ на свѣтъ не появляться.

А д а.

О, нѣтъ, не говори такъ! А блаженство

Быть матерью—кормить, любить, лелѣять?
Но, чу! Онъ просыпается. Мой милый!

Подходитъ къ ребенку.

О, посмотри, какъ полонъ жизни онъ,
Силь, красоты, здоровья! Какъ похожъ
Онъ на меня—и на тебя, но только
Когда ты кротокъ: мы, вѣдь, всѣ тогда
Похожи другъ на друга; правда, Каинъ?
Люби же насъ—и самого себя,
Хоть ради насъ,—ты намъ обоимъ дорогъ!
Смотри, онъ засмѣялся, протянулъ
Къ тебѣ ручонки, смотреть яснымъ взоромъ
Въ твои глаза... Не говори о мукахъ!
Тебѣ могли бы сами херувимы
Завидовать,—они дѣтей не знаютъ.
Благослови его!

К а и н ъ.

Благословляю
Тебя, малютка, если только можеть
Благословеніе смертнаго отринуть
Проклятіе, завѣщенное змиемъ.

А д а.

Аминь. Благословеніе отца
Сильнѣе пресмыкающейся твари.

К а и н ъ.

Я не увѣренъ въ этомъ. Но да будетъ
Надъ нимъ благословеніе!

А д а.

Нашъ братъ
Идетъ сюда.

К а и н ъ.

Твой братъ.

А в е л ь, *входл.*

Братъ Каинъ, здравствуй!
Господній миръ съ тобою!

К а и н ъ.

Авель, здравствуй.

А в е л ь.

Сестра мнѣ говорила, что съ тобою
Бесѣдовалъ какой-то духъ. Онъ ангель?

К а и н ъ.

Нѣтъ.

А в е л ь.

Такъ зачѣмъ общаться съ нимъ? Быть можетъ,
Онъ врагъ Творца.

К а и н ъ.

И другъ людей. А были ли
Такимъ Творецъ, какъ ты назвалъ его?

А в е л ь.

Назвалъ его! Ты, Каинъ, нынче странный.
Иди, сестра,—мы совершимъ сожженье.

А д а.

Прости на время, Каинъ! Поцѣлуй
Малютку-сына,—пусть его невинность
И Авеля молитвы возвратятъ
Тебѣ и миръ и вѣру!

Уходитъ съ ребенкомъ.

А в е л ь.

Гдѣ ты былъ?

К а и н ъ.

Не знаю.

А в е л ь.

Какъ? Но, можетъ быть, ты знаешь,
Что ты видѣлъ?

К а и н ъ.

Безсмертіе и смерть,
Безмѣрность и величіе пространства,
Тьму темъ міровъ, отжившихъ и живущихъ,
Вихрь столькихъ ослѣпляющихъ міровъ,
Солницъ, лунъ и звѣздъ, въ ихъ громозвучныхъ сферахъ,
Что я къ бесѣдѣ съ смертнымъ неспособенъ:
Оставь меня.

А в е л ь.

Твое лицо пылаетъ,
Твои глаза сверкаютъ страннымъ блескомъ,
Твои слова звучатъ необычайно.
Скажи, что это значитъ?

К а и н ъ.

Это значитъ...
Прошу тебя, оставь меня!

А в е л ь.

Не прежде,
Чѣмъ мы съ тобой помолимся Творцу
И совершимъ предъ нимъ сожженье.

К а и н ъ.

А в е л ь,

Прошу тебя—сверши его одинъ.
Тебя Иегова любить.

А в е л ь.

Я надѣюсь,
Обоихъ насъ.

К а и н ъ.

Но болѣе тебя.
Я не смущаюсь этимъ: ты достойный
Слуга Творца,—такъ и служи ему,
Но безъ меня.

А в е л ь.

Я былъ бы нечестивый
Сынъ нашего великаго отца,

Когда бъ не почиталъ тебя, какъ младшій,
И не просилъ тебя предъ алтаремъ
Главенствовать, какъ старшаго.

К а и н ъ.

Но я
Главенства никогда не домогался.

А в е л ь.

Тѣмъ мнѣ грустнѣй. Не откажи хоть нынче
Принять его: твоя душа томится
Подъ гнетомъ навожденія; молитва
Тебя бы успокоила.

К а и н ъ.

Нѣтъ, Авель.
Ничто не дастъ душѣ моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не зналъ его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтобъ не мѣшать тебѣ
Идти къ своей благочестивой цѣли.

А в е л ь.

Нѣтъ, мы должны идти къ ней неразлучно.
Молю тебя объ этомъ!

К а и н ъ.

Я согласенъ.
Что нужно дѣлать?

А в е л ь.

Выбери одинъ
Изъ алтарей.

К а и н ъ.

Но я доволенъ буду
Любымъ изъ нихъ: я вижу въ нихъ лишь камень
Да свѣжій дернъ.

А в е л ь.

И все же нужно выбрать.

К а и н ъ.

Я выбралъ.

А в е л ь.

Этотъ? Онъ и подобаетъ
Тебѣ, какъ первородному: онъ выше.
Теперь готовъ дары для всеожженья.

К а и н ъ.

А гдѣ твой?

А в е л ь.

Вотъ первенцы отъ стадъ:
Смирная пастушеская жертва.

К а и н ъ.

Я не имѣю стадъ, я земледѣлецъ,
И возложу на жертвенникъ плоды—
То, чѣмъ земля мой трудъ вознаграждаетъ.
Разводятъ на алтаряхъ огонь.

А в е л ь.

Ты, братъ, какъ старшій, долженъ принести
Хвалу Творцу и всеожженъ первый.

К а и н ъ.

Нѣтъ, ты начни,—я въ этомъ неискусенъ;
Я буду подражать тебѣ.

А в е л ь, *преклоня колѣни.*

О, Боже!

Ты, кто вдохнулъ въ насъ дуновенье жизни,
Кто создалъ насъ, благословилъ и не далъ
Погибнуть чадамъ грѣшнаго отца,
Которыя погибли бы навѣки,
Когда бы правосудіе твое
Не умѣрилось благостью твоею
Къ великимъ ихъ неправдамъ! Боже вѣчный,
Даятель жизни, свѣта и добра,
Единый вожь, ведущій все ко благу
Своею всемогущей, сокровенной,
Но непреложной благостью! Прими
Отъ перваго изъ пастырей смиренныхъ
Сихъ первенцевъ отъ первородныхъ стадъ,
Даръ недостойный Господа, ничтожный,
Какъ все предъ нимъ ничтожно, но несомый,
Какъ дань благодаренія того,
Кто предъ лицомъ твоихъ небесъ пресвѣтлыхъ
Слагая жертву эту, повергаетъ
Свой ликъ во прахъ, отъ коего онъ созданъ,
И воздастъ хвалу тебѣ—вовѣки!

К а и н ъ, *не преклоня колѣнъ.*

Духъ, для меня невѣдомый! Всесильный
И всеблагой—для тѣхъ, кто забываетъ
Зло дѣлъ твоихъ! Іегова на землѣ!
Богъ въ небесахъ,—быть можетъ, и другое
Носящій имя,—ибо безконечны

Твои дѣла и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать тебя,—прими ихъ!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчать твой духъ: два существа повергли
Ихъ предъ тобою. Если кровь ты любишь,
То вотъ алтарь дымящійся, облитый,
Тебѣ въ угоду кровью жертвъ, что тлѣютъ
Въ кровавомъ еиміамѣ предъ тобою.
А если и цвѣтущіе плоды,
Взлелѣянные солнцемъ лучезарнымъ,
И мой алтарь безкровный удостоишь
Ты милостью своею, то воззри
И на него. Тотъ, кто его украсилъ,
Есть только то, что сотворилъ ты самъ,
И ничего не ищетъ, что дается
Цѣной молитвы. Если дурень онъ,
Рази его,—вѣдь ты могучъ и властенъ
Надъ беззащитнымъ! Если же онъ добръ,
То пощади—иль порази,—какъ хочешь,
Затѣмъ, что все въ твоихъ рукахъ: ты даже
Зло именуешь благомъ, благо—зломъ,
И правъ ли ты—кто знаетъ? Я не призванъ
Судить о всемогуществѣ: вѣдь, я
Не всемогущъ,—я рабъ твоихъ вельній!

*Огонь на жертвенникъ Авеля разрастается въ столпъ
ослѣпительнаго пламени и поднимается къ небу; въ то
же время вихрь опрокидываетъ жертвенникъ Каина и да-
леко раскидываетъ по землѣ плоды.*

А вель, коленнопреклоненный.

О, братъ, молись! Ты прогнѣвилъ Іегову:

Онъ по землѣ твои плоды разсѣялъ.

К л и н ъ.

Земля дала, пусть и возьметъ земля,
Чтобъ возродить ихъ сѣмя къ новой жизни.
Ты угодилъ кровавой жертвой больше:
Смотри, какъ небо жадно поглощаетъ
Огонь и дымъ, насыщенные кровью.

А в е л ь.

Не думай обо мнѣ; пока не поздно,
Готовъ другую жертву для сожженья.

К л и н ъ.

Я больше жертвъ не буду приносить
И не стерплю...

А в е л ь, вставая съ колѣнъ.

Братъ! Что ты хочешь дѣлать?

К л и н ъ.

Низвергнуть въ прахъ угодника небесъ,

Участника въ твоихъ молитвахъ низкихъ—
Твой жертвенникъ, залитый кровью агнцевъ,
Вскормленныхъ и вспоенныхъ для закланья.

А в е л ь, *удерживая Каина.*

Не прибавляй безбожныхъ дѣлъ къ безбожнымъ
Словамъ. Не тронь алтарь: онъ освященъ
Божественной отрадою Іеговы,
Его благоволеніемъ.

К а и н ь.

Его!

Его отрадой! Такъ его отрада—
Чадъ алтарей, дымящихся отъ крови,
Страданія блеющихъ матокъ, муки
Ихъ дѣтищъ, умиравшихъ подъ твоимъ
Ножомъ благочестивымъ! Прочь съ дороги!

А в е л ь.

Братъ, отступись! Ты имъ не завладѣешь
Насильственно; но если ты намѣренъ
Для новой жертвы взять его—возьми.

К а и н ь.

Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой будетъ...

А в е л ь.

Что ты сказалъ?

К а и н ь.

Пусти! Пусти меня!
Твой Богъ до крови жаденъ,—берегись же:
Пусти меня, не то она прольется!

А в е л ь.

А я во имя Бога становлюсь
Межъ алтаремъ священнымъ и тобою:
Онъ Господу угоденъ.

К а и н ь.

Если жизнью
Ты дорожишь,—уйди и не мѣшай мнѣ.
Иначе я...

А в е л ь.

Богъ мнѣ дороже жизни.

Каинъ, поражая Авеля въ високъ головой, которую схватилъ съ жертвенника.

Такъ пусть она и будетъ жертвой Богу!
Онъ любить кровь.

Авель, падая.

Братъ! Что ты сдѣлалъ?!

Каинъ.

Братъ!

Авель.

О, Боже силъ! Прими мой духъ смиренный
И отпусти убійцѣ: онъ не вѣдалъ,
Что дѣлаеть. Братъ Каинъ, дай мнѣ руку—
Дай руку мнѣ... скажи несчастной Селлѣ...

Каинъ, послѣ минутнаго оцѣпненья.

Дать руку?.. Руку?.. Въ чемъ моя рука?

Медленно озирается послѣ долгаго молчанія.

Гдѣ я? Одинъ! Гдѣ Авель? Каинъ, гдѣ ты?
Возможно ли, что Каинъ—я? Проснись,
Встань, братъ! Скажи, зачѣмъ ты легъ на землю?
Теперь не ночь... И отчего ты блѣденъ?
Братъ, что съ тобой?—Ты былъ еще сегодня
Такъ полонъ жизни! Авель, не шути,—
Прошу тебя. Ударъ мой былъ ужасенъ,
Но онъ, вѣдь, не смертеленъ... Ахъ, зачѣмъ
Ты шелъ ему навстрѣчу? Я ударилъ,
Но, вѣдь, ударилъ только! О, я знаю,—
Ты хочешь напугать меня! Вздохни,
Пошевелись,—хоть разъ пошевелись!
Вотъ такъ... вотъ такъ... Ты дышишь! Братъ! Дыши!
О, Боже мой!

Авель, едва слышно.

Кто здѣсь взываетъ къ Богу?

Каинъ.

Убійца твой.

Авель.

Пусть Богъ ему отпустить.
Братъ, не забудь о Селлѣ; у нея
Братъ—только ты.

Умираеть.

К а и н ь.

А у меня нѣтъ брата!..
Но онъ глядитъ! Такъ онъ не мертвъ? Вѣдь смерть
Подобна сну, а сонъ смыкаетъ очи...
Вотъ и уста открыты—значить, дышать?
Но нѣтъ, они не дышатъ!.. Сердце, сердце,—
Послушаю, не бьется ль сердце?.. Нѣтъ!
Такъ гдѣ же я? Во снѣ, иль на яву,
Въ какомъ-то страшномъ мѣрѣ? Все кружится
Въ глазахъ моихъ... А это что? Роса?

Касается рукой лба, потомъ смотритъ на нее.

Нѣтъ, не роса! Нѣтъ, это кровь—кровь брата,
И эта кровь—мною пролита! На что же
Мнѣ жизнь теперь, когда я отнялъ жизнь,
Исторгнувъ духъ изъ столь родной мнѣ плоти?
Но онъ не мертвъ! Смерть развѣ есть молчанье?
Нѣтъ, встанетъ онъ,—я буду ждать, я буду
Стеречь его. Вѣдь жизнь не столь ничтожна,
Чтобъ такъ легко угаснуть. И давно ли
Онъ говорилъ? Скажи ему... Но что?
Братъ!.. Нѣтъ, не такъ—онъ мнѣ не отзовется
На этотъ зовъ: братъ не убилъ бы брата...
И все-таки... И все-таки—хоть слово!
Хоть только звукъ изъ милыхъ устъ, чтобъ я
Могъ выносить звукъ собственного слова!

Входитъ Селла.

С е л л а.

Я слышу стонъ,—кто стонетъ здѣсь? Вонъ Каинъ,

Вонъ Авель распростертый... Каинъ, что ты
Здѣсь дѣлаешь? Онъ задремалъ? О, небо!
Онъ блѣденъ, онъ... Нѣтъ, то не кровь! Откуда
Возьмется кровь? Откуда? Авель, Авель!
Что это значить? Что съ тобой?—не дышитъ,
Не движется: рука скользитъ, какъ камень,
Изъ рукъ моихъ! О, безсердечный Каинъ!
Какъ могъ ты не поспѣть къ нему на помощь?
Ты бѣ отразилъ убійцу, ты могучъ,
Ты долженъ былъ спасти его... Родитель!
Мать! Ада! гдѣ вы? Въ мѣрѣ—Смерть!

Убѣгаетъ, призывая родителей.

К а и н ь.

Да, смерть!

И это я, который ненавидѣлъ
Такъ страстно смерть, что даже мысль о смерти
Всю жизнь мнѣ отравила,—это я
Смерть въ мѣрѣ призвалъ, чтобъ собственного брата
Толкнуть въ ея холодныя объятья!
Я, наконецъ, проснулся,—обезумилъ
Меня мой сонъ,—а онъ ужъ не проснется!

Входятъ Адамъ, Ева, Ада и Селла.

А д а м ь.

Я прихожу на скорбный голосъ Селлы.
Что вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!
Вотъ, женщина, слѣдъ змѣя!

Е в а.

О, молчи,
Молчи о немъ: глубоко зубы змя
Впились мнѣ въ грудь! Мой ненаглядный Авель!
Иегова! наказанье превышаетъ
Мои грѣхи!

А д а м ъ.

Кто это сдѣлалъ, Каинъ?
Ты былъ при немъ,—скажи, кто это сдѣлалъ?
Враждебный ли намъ ангель, отступившій
Отъ Господа, иль дикій звѣрь лѣсной?

Е в а.

Ахъ, въ этой тьмѣ, какъ молнія, сверкаетъ
Зловѣщій свѣтъ: вонъ головня,—смотрите,
Она въ крови!

А д а м ъ.

Скажи хоть слово, Каинъ,
Скажи и убѣди насъ, что въ несчастьи
Мы не вдвойнѣ несчастны.

А д а.

Отвѣчай имъ:
Скажи, что ты невиненъ.

Е в а.

Онъ виновенъ,
Теперь я это вижу; онъ понилъ
Преступной головой и закрываетъ
Свирѣпый взоръ кровавыми руками.

А д а.

Мать, ты несправедлива.—Каинъ, что же
Ты не разсѣешь страшныхъ обвиненій,
Сорвавшихся съ устъ матери въ минуту
Безумныхъ мукъ?

Е в а.

Внемли мнѣ, о Иегова!
Будь проклятъ онъ проклятемъ вѣчнымъ змя!
Да будетъ онъ снѣдаемъ вѣчной скорбью,
Да будетъ...

А д а.

Мать! Остановись,—онъ сынъ твой,
Онъ мой супругъ, онъ братъ мой...

Е в а.

Онъ лишилъ
Тебя родного брата, Селлу—мужа,

Меня—родного сына. Будь же онъ
Навѣки скрытъ отъ глазъ моихъ! Всѣ узы
Я разрываю съ нимъ, не пощадившимъ
Связь братскихъ узъ. О, смерть! Не я ль ввела
Тебя въ нашъ міръ? Зачѣмъ же не меня ты
Взяла отъ міра?

А д а м ь.

Ева! Ты доводишь
Свою печаль до ропота на Бога.
Нашъ тяжкій рокъ былъ намъ давно предсказанъ,
И вотъ сбылось реченное,—склонимъ же
Свою главу предъ Господомъ: да будетъ
Его святая воля!

Е в а.

Не Господь—
Нѣтъ, это онъ, вотъ этотъ призракъ Смерти,
Котораго на свѣтъ я породила.
Чтобъ онъ усѣялъ землю мертвецами,—
Повергъ его! Да будутъ же надъ нимъ
Проклятыя всѣхъ живущихъ, и въ мученьяхъ
Пусть онъ бѣжитъ въ пустыню, какъ бѣжали
Изъ Рая мы, пока родная дѣти
Не умертвятъ братоубійцу! Пусть
Горящими мечами херувимовъ
Преслѣдуемъ онъ будетъ дни и ночи!
Пусть всѣ плоды земные превратятся

Въ его устахъ во прахъ и пепель,—змѣи
Устелятъ всѣ пути его,—листву,
Гдѣ онъ главу усталую преклонитъ,
Усѣютъ скорпіоны! Пусть онъ грезитъ
Во снѣ своею жертвой, на яву—
Зритъ лишь одно—зловѣщій образъ Смерти!
Пусть всѣ ручьи, когда, сгорая жаждой,
Прильнетъ онъ къ нимъ нечистыми устами,
Ручьями крови стануть! Пусть стихіи
Его врагами будутъ! Пусть живетъ онъ
Въ мученіяхъ, въ которыхъ умираютъ,
А смерть ему пусть будетъ хуже смерти!
Сгинь съ глазъ, братоубійца! Этотъ звукъ
Отнынѣ міръ замѣнитъ словомъ *Каинъ*,
И будетъ ненавистенъ онъ вовѣки
Для мириадъ сыновъ твоихъ. Пусть всюду,
Гдѣ ступишь ты, трава изсохнетъ! Пусть
Зеленый лѣсъ тебѣ откажетъ въ сѣни,
Земля—въ жилищѣ, прахъ—въ могилѣ, солнце—
Въ сіяніи, и небеса—въ ихъ Богѣ!

Уходитъ.

А д а м ь.

Иди отъ насъ: мы жить не можемъ вмѣстѣ.
Иди! Оставь усопшаго—отнынѣ
Я одинокъ—мы не должны встрѣчаться.

А д а.

Отецъ, будь милосердъ! Не прибавляй

Къ проклятыяъ Евы новаго проклятыя!

А д а м ь.

Я не клянѹ. Его проклятыѹ—совѣсть.
Селла! Идемъ.

С е л л а.

Мой долгъ—остаться здѣсь,
Надъ тѣломъ мужа.

А д а м ь.

Мы сюда вернемся,
Дай лишь уйти тому, кто уготаваль
Тебѣ твой долгъ ужасный.

С е л л а.

Дай хоть разъ
Поцѣловать мнѣ хладный прахъ и эти
Уста, навѣкъ остывшія. О, Авель!

Уходятъ Адамъ и Селла.

А д а.

Ты слышалъ, Каинъ: мы должны идти.

Я въ путь уже готова,—остается
Намъ взять дѣтей. Я понесу Эноха,
Ты—дѣвочку. Намъ надо до заката
Найти ночлегъ, чтобъ не идти пустыней
Подъ кровомъ тьмы. Но ты молчишь, не хочешь
Отвѣтить мнѣ—твоей супругѣ, Адѣ?

К а и н ь.

Оставь меня.

А д а.

Но ты оставленъ всѣми!

К а и н ь.

И ты оставь. Ты развѣ не страшишься
Жить съ Каиномъ, съ убійцей?

А д а.

Я страшусь
Лишь одного—съ тобой разлуки. Трепетъ
Внушаетъ мнѣ твой тяжкій грѣхъ, но мнѣ ли
Судить его? Судья—Всевышній.

Голосъ.

Каинъ!

Ада.

Ты слышишь голосъ?

Голосъ.

Каинъ! Каинъ!

Ада.

Слышишь?

То голосъ ангела.

Входитъ Ангелъ Господень

Ангелъ.

Гдѣ братъ твой Авель?

Каинъ.

Я развѣ сторожъ Авеля?

Ангелъ.

О, Каинъ

Что сдѣлалъ ты? Гласъ неповинной крови

Ко Господу взываетъ. Проклять ты
Отнынѣ всей землею, что отверзла
Свои уста, чтобъ эту кровь пріять.
За тяжкій трудъ она тебѣ отнынѣ
Не дастъ плода. Скитальцемъ безпріютнымъ
Ты будешь жить отнынѣ.

Ада.

Онъ не въ силахъ

Перенести такого наказанья;
Вотъ ты изгналъ его съ лица земли
И скроется онъ отъ лица Господня,
Изгнанникъ и скиталецъ на землѣ,
И будетъ беззащитенъ: всякій встрѣчный
Убьетъ его.

Каинъ.

О, если бы! Но кто
Убьетъ меня? Кто встрѣтитъ на безлюдной,
Пустой землѣ?

Ангелъ.

Но ты—убійца брата,
Кто можетъ защитить тебя отъ сына?

А д а.

Будь милосердъ, пресвѣтлый! Какъ помыслить,
Что эта грудь скорбящая питаетъ
Отцеубійцу лютаго?

А н г е л ь.

Онъ будетъ
Тогда лишь тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ.
Грудь Евы не питала ли въ дни оны
Того, кто здѣсь теперь лежитъ во прахѣ?
Братоубійца можетъ породить
Отцеубійца. Но этого не будетъ:
Мой Богъ велитъ мнѣ положить печать
На Каина, чтобъ онъ въ своихъ скитаньяхъ
Былъ невредимъ. Тому въ семь разъ воздастся,
Кто посягнетъ на Каина. Приблизься.

К а и н ь.

Скажи, зачѣмъ?

А н г е л ь.

Затѣмъ, чтобъ заклеимить
Твое чело, да огражденъ ты будешь
Отъ рукъ убійцы.

К а и н ь.

Нѣтъ, лучше смерть!

А н г е л ь, *налагая клеймо на чело*
Каина.

Ты долженъ

И будешь жить.

К а и н ь.

Мое чело пылаетъ,
Но мозгъ горитъ сильнѣе во сто кратъ.

А н г е л ь.

Строптивъ ты былъ и жестокъ съ дня рожденья,
Какъ почва, надъ которою отнынѣ
Ты осужденъ трудиться; онъ же—кротокъ,
Какъ овцы стадъ, которыя онъ пасъ.

К а и н ь.

Я былъ зачатъ въ дни первыхъ слезъ о Раѣ,
Когда отецъ еще скорбѣлъ о немъ,
А мать была еще подъ властью змія.
Я сынъ грѣха; я не стремился къ жизни,
Не самъ создалъ свой темный духъ; но если бь

Я могъ своею собственною жизнью
Дать жизнь ему... Ужели даже смерть
Не приметъ этой жертвы? Онъ возстанетъ,
Я буду мертвъ; онъ былъ угоденъ Богу,
Такъ пусть онъ вновь восприметъ жизнь, а я
Лишусь ея томительнаго ига!

А н г е л ь .

Ты долженъ жить. Твой грѣхъ—неизгладимый.
Иди, исполни дни свои—и впредь
Не омрачай ихъ новыми грѣхами.

Исчезаетъ.

А д а .

Онъ отошелъ. Пойдемъ и мы. Я слышу
Плачь нашего малютки.

К а и н ь .

О, малютка
Не знаетъ самъ, о чемъ онъ плачетъ; я же,
Пролившій кровь, ужъ не могу лить слезъ,
Хотя всѣхъ рѣкъ Эдема не хватило бь,
Чтобъ смыть мой грѣхъ. Увѣрена ли ты,
Что отъ меня мой сынъ не отвернется?

А д а .

Когда бь не такъ, то я...

К а и н ь .

Оставь угрозы,
Не мало мы внимали имъ; иди,
Бери дѣтей—я буду за тобою.

А д а .

Я одного тебя здѣсь не оставлю.
Уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

К а и н ь .

О, безмолвный
И вѣчный обличитель! Ты, чья кровь
Весь мѣръ мнѣ затемняетъ! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взоръ твой видитъ,
Чѣмъ сталъ твой братъ, то ты простишь того.
Кому ни богъ ни собственное сердце
Ужъ не дадутъ забвенія. Прощай!
Я не дерзну, не долженъ прикасаться
Къ тому, чѣмъ сталъ ты отъ руки моей.
Я, кто съ тобой рожденъ одной утробой,
Одною грудью вскормленъ, кто такъ часто
Съ любовью братской къ сердцу прижималъ
Тебя въ дни нашей юности,—я больше
Тебя ужъ не увижу и не смѣю
Исполнить то, что долженъ былъ исполнить
Ты для меня—сложить твой прахъ въ могилу,
Изрытую для смертнаго впервые,

И къмъ же? Мной! Земля! Земля! За все,
Что ты мнѣ даровала, я дарую
Тебѣ лишь трупъ!—Теперь идемъ въ пустыню.

А да, *припадая къ тѣлу Авеля и цѣлуя его.*
Ужасною, безвременною смертью
Погибъ ты, братъ! Изъ всѣхъ, въ слезахъ скорбящихъ,
Лишь я одна скрываю скорбь. Мой долгъ
Не проливать, но осушать тѣ слезы,
И все жъ никто такъ не скорбитъ, какъ Ада,
Не только о тебѣ, но и о томъ,
Кто твой убійца.—Каинъ! Я готова
Дѣлить твои скитанія.

Каинъ.

Къ востоку
Лежитъ намъ путь. Тамъ мертвый край, онъ больше
Пристоенъ мнѣ

Ада.

Веди! Ты долженъ быть
Моимъ вождемъ отнынѣ, и да будетъ
Твоимъ—нашъ Богъ. Идемъ, возьмемъ дѣтей.

Каинъ.

А онъ—онъ былъ бездѣтенъ. И навѣки

Изсякъ источникъ кроткій, что потомствомъ
Украшитъ могъ супружеское ложе
И умягчитъ сердца моихъ потомковъ,
Соединивши чадъ своихъ съ моими.
О, Абель, Абель!

Ада.

Миръ ему!

Каинъ.

А мнѣ?

Уходятъ.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Стихотворенія 1907 г.	5
Годива. Поэма Теннисона.	81
Изъ „Золотой Легенды“, Лонгфелло.	85
Каинъ. Мистерія Байрона.	95

25 1946